

На правах рукописи

РОДИОНОВ Владимир Александрович

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ В
КОНТЕКСТЕ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени

доктора политических наук

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и
технологии

Москва 2018

Диссертационная работа выполнена на кафедре политологии и политической философии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Научный консультант: **Железняков Александр Сергеевич**, доктор политических наук, заместитель директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения Российской академии наук»

Официальные оппоненты:

Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Дальнего Востока Российской академии наук»

Жуковская Наталия Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук»

Джагаева Ольга Александровна, доктор исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук»

Защита состоится 30 октября 2018 г. в __ часов на заседании Диссертационного совета Д 209.001.04 при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу:

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться:

Автореферат разослан

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат политических наук, доцент

А.Ш. Ногмова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Масштабные трансформации рубежа XX-XXI вв., связанные с дезинтеграцией международного военно-политического блока во главе с СССР, привели к появлению феномена постсоциалистических стран. С одной стороны, общее социалистическое прошлое и практически синхронный отказ от прежней общественно-политической модели являются базовыми основаниями для выделения этих стран в категорию «постсоциалистических». Данное обстоятельство предопределило специфику политических процессов в постсоциалистических странах, столкнувшихся с проблемами институционального строительства, радикального социально-экономического реформирования, смены внешнеполитической ориентации. С другой стороны, каждая из бывших социалистических стран в силу комплекса факторов обладает собственной особенностью политического развития, выразившейся, прежде всего, в различных подходах к разрешению общих проблем политического и социально-экономического характера.

В этом ряду особое место занимает Монголия, накопившая богатый политический опыт в постсоциалистический период, имеющий по ряду параметров схожие черты и отличия от опыта других стран. Во-первых, Монголия, наряду с Советской Россией, имела самый продолжительный стаж строительства социализма, что определило устойчивость таких явлений как сращивание государственного и партийного аппарата, господство официальной марксистско-ленинской идеологии, доминирование государства в экономической, социальной и культурной сфере. Во-вторых, Монголия выделяется из ряда постсоциалистических стран своей принадлежностью к буддийской культуре и сохранением у значительной части населения страны кочевого хозяйственного уклада, что влияет на политическую культуру и поведение монголов. В-третьих, в то время, как подавляющее большинство стран, отказавшихся от социалистической модели, располагается в Восточной

Европе, Монголия находится в самом сердце Азии между великими державами - Россией и Китаем. Это оказывает значительное влияние как на внешнеполитический курс страны, так и на динамику внутривнутриполитического процесса. Все это детерминирует самобытность монгольского политического процесса в постсоциалистический период, подвигает исследовать траекторию общественной трансформации этой страны за последние два с половиной десятилетия, подвести определенные итоги и обобщить опыт политического развития Монголии после ее отказа от социализма, выявить успехи и неудачи страны в деле достижения поставленных в начале 1990-х гг. целей и задач.

В первую очередь, особый интерес представляет идейная направленность политических изменений, предопределившая основной вектор развития Монголии в последующие годы. Важным является ответ на вопрос о том, как и почему небольшая по численности населения азиатская страна в кратчайшие по историческим меркам сроки сумела пройти путь от теократического правления к парламентской республике.

Созданные в начале 1990-х гг. базовые политические институты новой Монголии, конституционное устройство политической системы, нацеленные на построение многопартийной демократии, свидетельствуют об общей логике развития Монголии в контексте постсоциалистической трансформации. В то же время, ход и результаты институциональных реформ в этой стране заставляют осмыслить эффективность созданной политической системы. Сложившиеся в течение последних двух с половиной десятилетий неформальные институты и практики вносят серьезные коррективы в работу формальных институтов. Иными словами, изучение монгольского пути постсоциалистической трансформации ставит важный вопрос об адекватности избранных институтов и механизмов их взаимодействия насущным задачам современной Монголии и ее политическим реалиям.

Политический процесс в современной Монголии носит многоуровневый характер. Поведение и деятельность политических акторов, как и в любой другой стране, определяются комбинацией не только внутренних, но и

внешних факторов. Роль последних в случае с Монголией, учитывая ее геополитическое местоположение, особенно велика. Более того, актуальным остается вопрос о том, каково соотношение внутренних и внешних по своему происхождению причин трансформации и дальнейшего развития политической системы Монголии.

Учитывая высокую степень заинтересованности России в конструктивных и взаимовыгодных отношениях с Монголией, как со своим исторически давним соседом, выявление объективных характеристик монгольского политического процесса является актуальной задачей для отечественной политологии. Современная Россия, как страна с самой большой территорией и многонациональным населением, нуждается в политической стабильности, являющейся важнейшим условием благополучного национального развития. В связи с этим представляется полезным изучение политического опыта Монголии, прошедшей путь, схожий с российским по многим параметрам, но одновременно с этим, отличный по достигнутым результатам.

Не менее важным является вопрос о значимости для нашей страны внешнеполитического измерения политического процесса в Монголии. Формирование реалистичных представлений об основных характеристиках и сущности монгольской политической системы, в рамках которой вырабатываются внешнеполитические ориентиры этой страны, поможет эффективно планировать стратегию российско-монгольских отношений.

Степень научной разработанности проблемы. Все работы по теме исследования условно можно разделить на две большие группы. Первая группа включает в себя исследования теоретического характера, касающиеся природы, типологии и других аспектов политического процесса в постсоциалистических странах. Одним из наиболее распространенных и популярных в начале 1990-х гг. направлений в исследованиях проблем постсоциалистических стран следует признать теорию демократического транзита. Классическими работами, выполненными в этом методологическом

русле, являются монографии и статьи А. Аслунда¹, Л. Даймонда², А. Лейпхарта³, Х. Линца⁴, Г. О’Доннела⁵, А. Пшеворского⁶, М. Фиша⁷, Ф. Шмиттера⁸, Й. Шумпетера⁹ и многих других. Среди отечественных политологов, работающих в рамках данной теории, можно выделить В.Я. Гельмана¹⁰, Л.Д. Гудкова¹¹, Б.В. Дубина¹², Б.И. Макаренко¹³, А.Ю. Мельвиля¹⁴ и других.

Такие авторы как М. Буравой¹⁵, С. Брандштадлер¹⁶, К. Вердери¹⁷, А. Лангеноль¹⁸, Б.Г. Капустин¹⁹, Д.Ж. Маркович²⁰, В.С. Мартьянов²¹, Й. Никула²² и другие в своих исследованиях на основе российского и восточноевропейского материала с различных методологических позиций

---

¹ *Aslund A.* Post-Communist Economic Revolution: How Big a Bang? // *Creating the Post-Communist Order.* 1992. №8. - P. 503-525.

² *Diamond L.* Promoting Democracy in the 1990s. Actors and instruments, Issues and Imperatives. A report to the Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. - New York, 1995. - P. 9-11.

³ *Lijphart A.* Democratization and Constitutional Choices in Czech-Slovakia, Hungary and Poland in 1989-91 // *Journal of Theoretical Politics.* 1992. №4. - P. 207-223.

⁴ *Linz J.* The perils of presidentialism // *Journal of democracy.* 1990. Vol.1. №1. P. 51-69.

⁵ *O'Donnell G.* Transitions, Continuities and Paradoxes / in Scott Mainwaring et al., eds., *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective.* - Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. - P. 17-56.

⁶ *Пшеворский А.* Демократия и рынок. - М.: РОССПЭН, 2000. – 320 с.

⁷ *Fish S.* Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. - Princeton University Press, 1996. - 312 Pp.

⁸ *Шмиттер Ф.* Угрозы и дилеммы демократии [Электронный ресурс] Библиотека «Политнаука» URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php> (дата посещения 31.01.2018)

⁹ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995. - 540 с.

¹⁰ *Гельман В.Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. - М.: МОНФ, 1999. - 240 с.

¹¹ *Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. – М.: РОССПЭН, 2011. – 630 с.

¹² *Дубин Б.В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011. – 392 с.

¹³ *Макаренко Б.И.* Демократический транзит в России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. № 11. – С. 44-58.

¹⁴ *Мельвиль А.Ю.* Россия в мировых рейтингах: перезагрузка // *Эксперт.* 2006. №43 (537). - С. 24-39.

¹⁵ *Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism // *East European Politics and Society.* 2001. Vol. 15. Issue 2. - P. 269-290.

¹⁶ *Brandstädter S.* Transitional Spaces: Postsocialism as a Cultural Process // *Critique of Anthropology.* 2007. Vol.27. - P. 131-145.

¹⁷ *Verdery K.* Whither Postsocialism? // *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*, ed. C. Hann. London - New York: Routledge. 2002. - P. 15-31.

¹⁸ *Лангеноль А.* Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // *Ab Imperio.* 2004. №1. - С. 365–387.

¹⁹ *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис. Политические исследования.* 2001. №4. - С. 6-26.

²⁰ *Маркович Д.Ж.* Противоречия транзитии постсоциалистических обществ // *Социс.* 2006. №9. - С. 21.

²¹ *Мартьянов В.С.* Конец транзитологии: что дальше? // *Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах : материалы второй междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2004. - С. 31-44.*

²² *Никула Й.* Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический подход // *Мир России.* 2005. №1. - С. 135-137.

критично переосмысливают теорию демократического транзита, выявляя ее познавательные ограничения при анализе реалий политических процессов в постсоциалистических странах. Во многом из критического осмысления теории демократического транзита сформировалась концепция «постсоциалистической трансформации», рассматривающая политические изменения в бывших социалистических странах как нелинейный во многом стохастический процесс²³.

Страновым и сравнительным изучением политических процессов в постсоциалистических государствах в разное время занимались М. Алексич²⁴, А.А. Гербова²⁵, З.Т. Голенкова²⁶, Л. Дегтярь²⁷, А.В. Кива²⁸, А.И. Миллер²⁹, Д. Пантич³⁰, И.Н. Тарасов³¹, С. Яжборовская³² и многие другие. Исследования данных авторов посвящены анализу причин, содержания и определенных результатов постсоциалистической трансформации в странах Восточной Европы. Данные работы значимы с точки зрения выявления общих моделей и характеристик политического процесса в странах, отказавшихся от социализма. Фактор международно-политической среды, являющейся фоном политического процесса в отдельных постсоциалистических странах, стал предметом для рассмотрения таких отечественных ученых как Е.П. Бажанов³³,

---

²³ Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World / ed. By M. Burawoy, K. Verdery. - New York: Rowman & Littlefield, 1999. – 322 p.

²⁴ Алексич М. Теоретический подход к демократизации трансформирующихся обществ // Процессы демократизации в Восточной Европе : материалы междунар. науч. конф. 2-8 июня 1999 г. Улан-Удэ. – М.-Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2000. - С. 74-85.

²⁵ Гербова А.А. Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. – М.: Наука, 1991. – 212 с.

²⁶ Голенкова З.Т. Гражданское общество и процессы демократизации в России // Процессы демократизации в Восточной Европе. – С. 86-103.

²⁷ Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Общество и экономика. 2000. №8. - С. 130-157.

²⁸ Кива А.В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? // Общественные науки и современность. 1997. № 5. – С. 15-25.

²⁹ Миллер А.И. Центральная Европа: история концепта // Полис. 1996. №4. – С. 119-122.

³⁰ Пантич Д. Изменения ценностей и развитие демократии в трансформирующихся странах // Процессы демократизации в Восточной Европе. - С. 12-34.

³¹ Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ. Дисс. на соискание уч. степ. д-ра полит. наук. – Саратов, 2009. – 483 с.

³² Яжборовская И.С. Глобализация и опыт системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. - М: Academic, 2008. – 378 с.

³³ Бажанов Е.П. Россия между Западом и Востоком // Современный мир и геополитика. – М.: Канон+, 2015. – С. 9–47.

Н.Е. Бажанова³⁴, А.Д. Богатуров³⁵, С.С. Жильцов³⁶, А.Г. Задохин³⁷, Т.А. Закаурцева³⁸, О.П. Иванов³⁹, М.М. Лебедева⁴⁰, Т.А. Мозель⁴¹, М.А. Неймарк⁴² и других. Используя полученный в работах данных авторов материал, можно более наглядно выявить специфику монгольского политического опыта.

Вторую группу исследований образуют работы, предметом которых является политический процесс в современной Монголии в различных его проявлениях и измерениях.

При изучении политического процесса в современной Монголии многие авторы обращаются к историческим истокам, оказавшим влияние на начало и ход постсоциалистической трансформации в стране. Характеризуя произошедшие в постсоциалистической Монголии изменения, нельзя не коснуться ряда вопросов социалистического периода истории этой страны. По общему мнению, политический процесс в МНР носил авторитарный характер, в основе которого лежала монополия на власть Монгольской народно-революционной партии⁴³. Соответственно, события рубежа 1980-1990-х гг. явились началом слома авторитарной политической системы и перехода страны к демократическому режиму. Некоторые монгольские исследователи,

---

³⁴ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. – М.: Восток-Запад, 2011. – 166 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. – М.: Восток-Запад, 2010 – 464 с.

³⁵ Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. - М.: Аспект-пресс, 2017. - 480 с.

³⁶ Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. 2016. № 1. – С. 7–15.

³⁷ Задохин А.Г. Международные отношения и национальная безопасность // Дипломатическая служба. – 2012. № 6.

³⁸ Закаурцева Т.А. Вопросы теории и истории международных отношений / гл. ред. Т.А. Закаурцева. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2010. – 300 с.

³⁹ Иванов О.П. Американские дебаты по расширению НАТО на Восток: позиция экспансионистов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 3. – С. 30–48.

⁴⁰ Лебедева М.М. Мировая политика в XXI в: акторы, процессы и проблемы. — М.: МГИМО (У), 2009. – 142 с.

⁴¹ Мозель Т.Н. Теоретические основы международных отношений. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2000. – 263 с.

⁴² Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля // Обозреватель-Observer. 2016. № 1. – С. 31–42; Он же. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике // Обозреватель-Observer. 2016. № 2. – С. 67–77.

⁴³ Даидаваа Ч. От демократии к авторитаризму // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. №3. – С. 43-56; Жаргал Ж. Существовал ли в Монголии тоталитарный режим? // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2012. №1. – С. 198-209; Лиштованный Е.И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. – 195 с.; Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. - Los Angeles.-London: University of California Press, 2005. – 392 p.

пытаясь объяснить истоки демократизации 1990-х гг., стремятся описать политический процесс в МНР через дихотомическое противостояние «тоталитарно-авторитарных и демократических сил». Как пишут монгольские историки Ж. Болдбаатар и Ч. Дашдаваа, «период с начала 1950-х до середины 1960-х гг. был временем идеологического противоборства между теми, кто стремился к демократии и установлению справедливости в рамках социализма, и теми, кто придерживался позиции укрепления административно-командной системы»⁴⁴.

С началом радикальных политических и экономических реформ в Монголии в 1990-е гг. появилось большое количество работ, посвященных различным аспектам постсоциалистического развития Монголии. В центре исследовательского внимания оказался процесс демократизации политической системы Монголии, а также сопутствовавшие этому рыночные реформы. Монгольские авторы Ж. Алтангэрэл⁴⁵, С. Амарсанаа⁴⁶, Ю. Атар⁴⁷, Р. Болд⁴⁸, Ж. Болдбаатар⁴⁹, Д. Ганбат⁵⁰, Б. Дэлгэрмаа⁵¹, Б. Лигдэн⁵², Д. Мягмар⁵³, П. Очирбат⁵⁴, Т. Оюнчимэг⁵⁵, Д. Улзийсайхан⁵⁶, О. Хатанболд⁵⁷,

---

⁴⁴ Болдбаатар Ж., Дашдаваа Ч. Шинэчлэлийн төлөө хөдөлгөөн, түүний хувь заяа (Движение за обновление и его судьба). - Улаанбаатар, 2005. – 156 х.

⁴⁵ Алтангэрэл Ж. Улс төрийн халуун өдрүүдийн тэмдэглэл: Миний сурвалжилсан үеийн парламент. (Горячие политические дни: мой идеальный парламент). - Улаанбаатар, 2010. – 231 х.

⁴⁶ Амарсанаа С. Ардчилалд хөл тавьсан 10 жил (10 лет на пути к демократии). - Улаанбаатар, 2016. – 183 х.

⁴⁷ Атар Ю. Ардчилалын тогтолцоонд шилжих үеийн (Период движения к демократической системе). - Улаанбаатар, 2001. – 146 х.

⁴⁸ Болд Р. Социальные конфликты переходного периода Монголии // Социс. 2008. № 4. – С. 37-43.

⁴⁹ Болдбаатар Ж. Монголын ойрхи түүхийн зангилаа асуудал // XX зууны Монголын түүхийн зарим асуудал. - Улаанбаатар, 1999. - Х. 3-16.

⁵⁰ Ганбат Д. XX зууны ардчиллын хөгжил ба Монгол Улс (Монголия и развитие демократии XX века) // Шинэ толь. 2007. №1 (58). - Х. 5-17.

⁵¹ Дэлгэрмаа Б. Демократические преобразования в Монголии на рубеже XX и XXI вв.: Дисс. на соискание ученой степени канд. истор. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 165 с.

⁵² Лигдэн Б. Монголын ардчилал ба миний үзэл, хандлага (Монгольская демократия и мои мысли и взгляды). - Улаанбаатар, 2000. – 52 х.

⁵³ Мягмар Д. Монголын ардчилал ба цэрэг армийн тухай бодол (Монгольская демократия и мысли об армии). - Улаанбаатар, 1997. – 163 х.

⁵⁴ Очирбат П. Монгол улсын ерөнхийлөгчийн үндсэн хуулийн бүрэн эрх анхны зам мөр (Конституционные полномочия президента Монголии). - Улаанбаатар: Адмон, 2001. – 162 х.

⁵⁵ Оюунчимэг Т. Миний хүссэн ардчилал биш... (Не такую демократию я хотела...). - Улаанбаатар: Адмон, 2011. – 223 х.

⁵⁶ Өлзийсайхан Д. Ардчилал: сэхээтний нийгмийн төлөв (Демократия: общественная позиция интеллигенции). - Улаанбаатар, 2004. – 225 х.

⁵⁷ Хатанболд О. Ардчилал судлал: онол, аргай зүй (Исследования демократии: теория и методика). - Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Философийн хүрээлэн, 2017. – 179 х.

Г. Цацрал⁵⁸, Ц. Цэцэнбилэг⁵⁹, Г. Чулуунбаатар⁶⁰ и другие, являясь не только сторонними наблюдателями, но и иногда и участниками происходивших событий, заложили основу эмпирического и методологического материала для изучения начавшейся трансформации в Монголии.

Заметную роль среди исследователей постсоциалистической трансформации сыграли западные политологи и экономисты: У. Баркман⁶¹, Т. Бун⁶², Т. Гинзбург⁶³, А. Сандерс⁶⁴, Ш. Северингхаус⁶⁵, В. Фритц⁶⁶, Д. Ривс⁶⁷, М. Россаб⁶⁸, С. Фиш⁶⁹, П. Саблофф⁷⁰, К. Каплонски⁷¹, З. Шмыт⁷². Большинство из них позитивно оценивали «демократический транзит» Монголии, отмечая такие явления как многопартийность, сменяемость властей, свобода слова, приватизация государственной собственности и т.д. В частности, С. Фиш, сравнивая Монголию с республиками постсоветской Центральной Азии, сделал вывод о значительных успехах первой в сравнении со вторыми в деле построения демократии⁷³. В целом, для большинства

---

⁵⁸ Цацрал Г. Особенности формирования партий и партийных систем России и Монголии в условиях политической трансформации: автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. полит. наук. – М., 2006. – 46 с.

⁵⁹ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. - Улан-Батор, 2002. – 148 с.

⁶⁰ Чулуунбаатар Г. XX, XXI зууны зааг үеийн Монголын улс төрийн өөрчлөлт, ардчиллын хөгжил (Политические изменения Монголии на рубеже XX-XXI вв. и демократическое развитие). - Улаанбаатар, 2009. – 294 х.

⁶¹ Баркман У. Монгол улсын шилжилтийн үеийн улс төрийн элитийн тухай (УИХ дахь МАХН-ын бүлгийн гишүүдийн жишгээр. 1992-2005 (О политической элите Монголии переходного периода (на примере членов МНРП в ВГХ. 1992-2005 гг.)) // Mongolica. 2006. Vol. 18(39). – P. 105-111.

⁶² Boone P. Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia // Journal of Comparative Economics. 1994. №18. - P. 329-356.

⁶³ Ginsburg T. Nationalism, Elites and Mongolian Rapid Transformation // Mongolia in the Twentieth Century. Landlocked Cosmopolite. Ed. by Stephen Kotkin and Bruce Elleman. – New York-London, 1999. - P. 243-267.

⁶⁴ Sanders A. Mongolia's New Constitution: Blueprint for Democracy // Asian Survey. 1992. Vol.32. №6. - P. 506-520.

⁶⁵ Severinghaus S. Mongolia in 2000: The Pendulum Swings Again // Asian Survey. Vol. 41. № 1. 2001. - P. 61-70.

⁶⁶ Fritz V. Mongolia: Dependent Democratization // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2002. Vol. 18. № 4. - P. 75-100.

⁶⁷ Reeves J. Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China. - London: Department of International Relations of the London School of Economics, 2010. – 301 pp.

⁶⁸ Rossabi M. Modern Mongolia. From Khans to Commissars to Capitalists. - Los Angeles.-London: University of California Press, 2005. – 392 p.

⁶⁹ Fish S. Mongolia: democracy without prerequisites // Journal of democracy. 1998. Vol.9. №3. - P. 127-141.

⁷⁰ Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey. 2002. №21. – P. 19–36.

⁷¹ Kaplonski C. Truth, history and politics in Mongolia. The memory of heroes. – London-New York: Routledge Curzon, 2004. – 233 pp.

⁷² Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. – С. 58-70.

⁷³ Fish S. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. 2001. №34. - P. 323-338.

западных авторов при анализе политического процесса в Монголии характерен акцент на демократизации политической системы. При этом ряд исследователей (М. Россابي, К. Каплонски, Д. Ривс) более критичны при оценке характера и результатов политического процесса. Так, по мнению М. Россابي, сформированные демократические институты, зачастую приводят к острым политическим кризисам и не способны эффективно обеспечить национальную безопасность страны, подверженную серьезным вызовам и угрозам, прежде всего, со стороны Китая⁷⁴.

Следует отметить, что в большинстве случаев работы западных и некоторых монгольских исследователей, занимающихся изучением политического процесса в постсоциалистической Монголии, практически полностью увязываются с изучением демократизации и связанных с ней институтов. Ярким примером этого является тезис монгольского исследователя Д. Баасансурэна о том, что «демократическая трансформация Монголии – сложное явление, лежащее в основе политических преобразований»⁷⁵. Многие исследования монгольских авторов опираются на данные социологических опросов, центральной темой в которых является вопрос о демократии и ее атрибутах⁷⁶. Отождествление политического процесса в постсоциалистической Монголии с демократизацией еще более четко прослеживается в работах западных политологов, в методологическом плане опирающихся на транзитологический подход. Анализируя политический процесс в Монголии, западные авторы исходят из понимания демократии (в ее либеральной трактовке) как лучшим и единственно правильном для любой страны в целом, и Монголии в частности, варианте. Фактически можно говорить о подмене объективного научного исследования

---

⁷⁴ *Rossabi M. Modern Mongolia.* - P. 225-246.

⁷⁵ *Баасансурэн Д. Демократическая трансформация Монголии // Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны.* - Новосибирск: Автограф, 2014. - С. 280.

⁷⁶ См., например: *Хатанболд О. Понятия и представления монголов о демократии: изменения и отношения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №8(1). Серия «Востоковедение».* - С. 205-211; *Ардчилсан засаглалын төлөв байдалд гарсан өөрчлөлт 2007-2008 (Изменение ситуации в системе демократического управления. 2007-2008 гг.). / Ред. Г. Чулуунбаатар.* - Улаанбаатар: Философи, социологи, эрхийн хүрэлээн ШУА, 2008. – 132 х.

пропагандистки выстроенными текстами с идеологически заданным императивом. Своеобразной квинтэссенцией такого подхода к анализу политического процесса в Монголии может считаться работа П. Саблофф с громким названием «Чингисхан, отец монгольской демократии», в которой автор пытается доказать идеологическую схожесть политики великого хана и американских демократических лидеров⁷⁷. Предлагаемый подход упрощает реальную ситуацию в этой стране и не способствует более полному раскрытию сути происходящего. Поэтому, на наш взгляд, демократизация не может рассматриваться в качестве синонима всего политического процесса в Монголии, хотя и является одной из ключевых его составляющих.

Российские и монгольские ученые в своих работах уделяют большое внимание внутривнутриполитическим процессам в стране. Отечественные монголоеды, анализируя ход и результаты постсоциалистической трансформации в Монголии, нередко проводят параллели с аналогичными процессами в нашей стране, выявляя общие и специфические черты. Подобные темы освещены в работах И.Г. Актамова⁷⁸, Д.Д. Бадараева⁷⁹, Т.Б. Бадмацыренова⁸⁰, Б.В. Базарова⁸¹, М.Н. Балдано⁸², Е.В. Бойковой⁸³,

---

⁷⁷ *Modern Mongolia: Reclaiming Genghis Khan* / Ed. by P. Sabloff. – Philadelphia: University of Pennsylvania. 2001. – 122 pp.

⁷⁸ *Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б.* Монгольская молодежь и политика: виртуальное измерение национальной безопасности // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2015. №8 : Востоковедение. – С. 85-89.

⁷⁹ *Бадараев Д.Д.* Влияние «турбулентности» на модернизационные процессы в монгольском обществе // *Власть.* 2015. №4. - С. 201-205.

⁸⁰ *Бадмацыренов Т.Б.* Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2012. – Вып. 14 : Философия, социология, политология, культурология. – С. 137-143.

⁸¹ *Базаров Б.В., Балдано М.Н., Бадараев Д.Д.* Соотношение миграционных векторов и номадизма в современном монгольском обществе // *Власть.* 2015. №10. - С. 213-218.

⁸² *Балдано М.Н.* Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства // *Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе. Кол. монограф. / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев.* – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – С. 218-244.

⁸³ *Бойкова Е.В.* О внешних гарантиях национальной безопасности Монголии // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей.* – М.: РИСИ, 1998. - С. 67-68.

И.Б. Гармаева⁸⁴, М.И. Гольмана⁸⁵, В.В. Грайворонского⁸⁶, Э.Д. Дагбаева⁸⁷, А.С. Железнякова⁸⁸, Н.Л. Жуковской⁸⁹, Ю.В. Кузьмина⁹⁰, Л.В. Кураса⁹¹, Е.И. Лиштованного⁹², Р.Т. Сабирова⁹³, В.И. Терентьева⁹⁴, Г.С. Яскиной⁹⁵. В то же время, российские авторы, пишущие о политическом процессе в современной Монголии, как правило, ограничиваются анализом отдельных сюжетов (выборы, политические кризисы, персоналии политиков) и не предпринимают попыток системного исследования траектории постсоциалистической трансформации в стране. Так, в коллективной монографии, посвященной исследованию политических систем и политической культуры в странах Востока, Монголии уделяется сравнительно немного места, анализ политической ситуации ограничен рубежом 1990-2000-х гг.⁹⁶. Иными словами, комплексные монографические исследования монгольского политического процесса в российской политологии отсутствуют. Исключением можно признать монографическую работу ведущего российского монголоведа А.С. Железнякова, описавшего

---

⁸⁴ *Гармаева И.Б.* Влияние внешнеполитических факторов на политические процессы в Монголии после 1990 г. // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. №4. - С. 204-211.

⁸⁵ *Гольман М.И.* Президент Элбэгдорж развеял мифы // Азия и Африка сегодня. 2010. №3. - С. 48-53.

⁸⁶ *Грайворонский В.В.* Была ли в Монголии попытка «цветной революции»? // Азия и Африка сегодня. 2008. №12. - С. 36-40; Он же. Монголия в начале XXI века (политика, экономика, общество). - М.: ИВ РАН, 2017. - 352 с.

⁸⁷ *Дагбаев Э.Д.* Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. - 303 с.

⁸⁸ *Железняков А.С.* Монголия социалистическая и постсоциалистическая // Восток. 1996. №6. - С. 109-110.

⁸⁹ *Жуковская Н.Л.* Монголия: Мир кочевой культуры. - М.: РИОР-ИНФРА-М, 2017. - 242 с.

⁹⁰ *Кузьмин Ю.В., Свинин В.В.* «Панмонголизм» как национальная идея консолидации народов Центральной Азии в XX веке // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты / Материалы международной научной конференции. г. Иркутск, 10-12 апреля 2000 г. - Иркутск, 2001. - С. 76-78.

⁹¹ *Курас Л.В.* Монголия в начале XXI века: гримасы демократии // Гуманитарный вектор. 2014. №4. - С. 125-132.

⁹² *Лиштованный Е.И.* От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. - 198 с.

⁹³ *Сабиров Р.Т.* Между прошлым и будущим: процессы трансформации в Монголии в 1990-е - начале 2000 гг. // Позиции России в АТР. - М., 2007. - С. 227-241.

⁹⁴ *Терентьев В.И.* Национализм по-монгольски: истоки межэтнической напряженности в современной Монголии // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект / Материалы докладов ЛП Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 24-30 марта 2013 г. Владивосток. - Владивосток, 2013. - С. 363-365.

⁹⁵ *Яскина Г.С.* Политические реформы в современной Монголии // Проблемы Дальнего Востока. 1995. №5. - С. 43-51; Она же. Политические процессы в Азии: опыт демократизации. Ч.1. - М.: ИВ РАН, 2010. - 364 с.

⁹⁶ Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. - М.: Восток-Запад, 2007. - С. 731-750.

политический процесс в Монголии сквозь призму историко-цивилизационного подхода⁹⁷. Однако, учитывая теоретико-методологические основы данного исследования, многие сюжеты и нюансы политического развития Монголии в постсоциалистический период также оказались вне авторского внимания.

Среди монгольских авторов, анализирующих различные аспекты политического процесса в своей стране, можно выделить Н. Галийму⁹⁸, А. Жамбала⁹⁹, Л. Мунх-Эрдэнэ¹⁰⁰, О. Хатанболда¹⁰¹, А. Цанжида¹⁰², С. Цэдэндамбу¹⁰³, Ц. Цэцэнбилэг¹⁰⁴, Г. Чулуунбаатара¹⁰⁵ и других. Несмотря на большой массив работ по данному направлению, системного обобщающего труда, посвященного политическому процессу в постсоциалистической Монголии, монгольскими политологами также до сих пор не выпущено.

Другой значимой темой для исследователей стала внешняя политика Монголии после окончания «холодной войны». Российские востоковеды Е.П. Бажанов¹⁰⁶, Б.В. Базаров¹⁰⁷, В.Ц. Ганжуров¹⁰⁸, О.А. Джагаева¹⁰⁹,

---

⁹⁷ Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. - М.: ИС РАН, 2009. – 272 с.

⁹⁸ Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. №1. - С. 173-182.

⁹⁹ Жамбал А. Улс төрийн сургаалийн түүх (История политических учений). - Улаанбаатар, 2001. – 154 х.

¹⁰⁰ Munkh-Erdene L. The transformation of Mongolia's political system: from semi-parliamentary to parliamentary? // Asian Survey. 2010. Vol.50, № 2. – P. 311-334.

¹⁰¹ Хатанболд О. Ардчиллыг ойлгохуй ба судлахуй: Монголын жишээн дээр (Исследования и интерпретации демократии: на примере Монголии). – Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи Философийн хүрээлэн, 2017. – 170 х.

¹⁰² Цанжид А. Улс төрийн шинжлэх ухаан (Политическая наука). – Улаанбаатар, 1997. – 176 х.

¹⁰³ Цэдэндамба С. Монгол улс дахь шашины нөхцөл байдал (XX-XXI зууны зааг үе) (Религиозная ситуация в Монголии (рубеж XX-XXI вв.)). - Улаанбаатар, 2003. – 129 х.

¹⁰⁴ Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. - Улаанбаатар, 2002. – 148 с.

¹⁰⁵ Chuluunbaatar G. Problems of the Contemporary Socio-Political Transformation in Mongolia. – Ulaanbaatar: Institute Philosophy, Sociology and Law Mongolian Academy of Sciences. 2009. – 112 p.

¹⁰⁶ Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. - 351 с.; Он же. Российско-китайские отношения. – М.: Научная книга, 1999. - 117 с.

¹⁰⁷ Базаров Б.В. Монгольский мир в современном азиатском пространстве // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. №3. – С. 8-15.

¹⁰⁸ Ганжуров В.Ц. Россия – Монголия (история, проблемы, современность). - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.

¹⁰⁹ Джагаева О.А. Россия и Монголия: очерк истории взаимоотношений в последней четверти XX столетия. – М.: Научное издание, 2003. - 138 с.; 147. Она же. Россия и Монголия: новый этап культурного сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2005. № 5. - С. 56-59.

А.С. Железняков¹¹⁰, Ю.В. Кузьмин¹¹¹, Е.И. Лиштованный, С.Г. Лузянин¹¹², Г.С. Яскина¹¹³ сосредоточили основное внимание на трансформации отношений Монголии с внешним миром после отказа Улан-Батора от идеологии «пролетарского интернационализма» и стратегии ориентации исключительно на Москву. Большинство авторов, отмечая охлаждение российско-монгольских отношений в 1990-е гг., делает вывод о значительном снижении роли российского фактора во внутренней политике Монголии. Соответственно, активизация двустороннего сотрудничества в 2000-е гг. актуализировала вопрос о российском влиянии в Монголии. Для монгольских политологов-международников тема взаимоотношений с внешним миром с самого начала была и остается центральной в силу особого местоположения страны между Россией и Китаем. Помимо российского направления внешней политики Монголии, не менее значимыми для исследований стали отношения с Китаем и внерегиональными державами, именуемыми в самой Монголии «третьим соседом». Методологической основой для большинства монгольских исследователей стал политический реализм, в основе которого лежит принцип баланса сил. Иными словами, монгольские ученые-международники Н. Алтанцэцэг¹¹⁴, Ц. Батбаяр¹¹⁵, К. Дэмбэрэл¹¹⁶,

---

¹¹⁰ Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. – М.: ИС РАН, 2009. – 272 с.; Он же. Россия в монгольском треугольнике // Политический журнал. 2004. №8. – С. 42-44.

¹¹¹ Кузьмин Ю.В. Поиск Монголией нового места в международной экономике и мировой геополитике // Роль финансово-экономического образования в инновационном развитии регионов России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Иркутск, 6-12 окт. 2008 г. - Иркутск, 2008. - С. 153-159.

¹¹² Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов // Китай в мировой политике. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 317-335.

¹¹³ Яскина Г.С. Монголия и внешний мир. – М.: ИВ РАН, 2002. – 370 с.

¹¹⁴ Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // Олон улсын харилцаа (Международные отношения). 2003. №2. – С. 46-58; Она же. 90-ээд оноос хойшихи Үеийн Орос-Монгол, Хятад-Монголын харилцаа (Российско-монгольские и китайско-монгольские отношения с начала 1990-х гг.) // Олон улсын харилцаа. 2002. № 2. – Х. 93-95.

¹¹⁵ Batbayar Ts., Soni S. Modern Mongolia: A Concise History. - New Delhi: Pentagon Press. 2007. – 121 p.

¹¹⁶ Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. - Иркутск: Оттиск, 2002. - 122 с.

М. Жаргалсайхан¹¹⁷, Э. Наран¹¹⁸, Ч. Пурэвдорж¹¹⁹, Д. Уламбаяр¹²⁰, Д. Шурхуу¹²¹, Б. Эрдэнэбат¹²² сосредоточены на изучении вопроса о сохранении баланса в отношениях Монголии с основными великими державами. Среди авторов из других стран, пишущих о внешней политике Монголии, выделяются Р. Бедески¹²³, Ванг Пейран¹²⁴, А. Вачман¹²⁵, А. Кэмпби¹²⁶, Ш. Сони¹²⁷, С. Тэлфорд¹²⁸.

Таким образом, следует констатировать отсутствие крупных обобщающих работ, посвященных изучению политического процесса в современной Монголии. Исследования, посвященные политическому процессу в современной Монголии, рассматривают лишь отдельные аспекты этого явления, не раскрывая его закономерности и специфику развития.

Объект исследования – политический процесс в современной Монголии, протекающий под влиянием внутренних и внешних факторов

Предмет исследования – постсоциалистическая трансформация как условие политического процесса в современной Монголии

---

¹¹⁷ *Jargalsaikhan M.* Lingering anti-Sinic sentiments in post-Communist Mongolia: why dislike the Chinese? // *Voices from Central Asia*. 2015. №19 (January). – P. 1-15.

¹¹⁸ *Наран Э.* Хятад, Монголын нам хоорондын харилцааны хөгжил (Развитие взаимоотношений между монгольской и китайской партиями) // *Олон улс судлал*. 2009. №3-4. – X. 95-96.

¹¹⁹ *Пурэвдорж Ч.* Монголо-российское военное сотрудничество: уроки и перспективы // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности*. – С. 49-62.

¹²⁰ *Ulbayar D.* Mongolia's "Third Neighbor" Policy: Nature and Purpose // *World Affairs (Ulaanbaatar)*. 2015. № 2 (31). – P. 112-142.

¹²¹ Д. Шурхуу: Өнөөдрийн Орос, Хятад хоёр 20 жилийн дараа баталгаатай найзууд байх уу? (Д. Шурхуу: Останутся ли сегодняшние Россия и Китая нашими друзьями через 20 лет?) [Электронный ресурс] Сайт газеты «Өдрийн сонин» URL: <https://dnn.mn/д-шурхуу-өнөөдрийн-орос-хятад-хоёр-20-жилийн-дараа-баталгаатай-найзууд-байх-уу/> (дата посещения 31.01.2018)

¹²² *Эрдэнэбат Б.* Характер и тенденции развития военных отношений Монголии с зарубежными странами в условиях новой геополитической обстановки // *Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности*. – С. 79-90.

¹²³ *Bedeski R.* Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2006. №13. - P. 77-87.

¹²⁴ *Wang P.* Mongolia's Delicate Balancing Act // *China Security*. 2009. Vol.5. №2. – P. 72-85.

¹²⁵ *Mongolia: Growth, Democracy, and Two Wary Neighbors : an Interview with Alan Wachman* [Electronic resource] // *The National Bureau of Asian Research (NBR)*. – 2012. – May 3. – URL : <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=245> (дата посещения 30.01.2018)

¹²⁶ *Campi A.* Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit, *The Asia-Pacific Journal*, Vol. 12, Issue 44, No. 1, November 10, 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://apjif.org/2014/12/45/Alicia-Campi/4210.html> (дата посещения 31.01.2018)

¹²⁷ *Soni S.* Russian policy towards Northeast Asia: The Mongolia factor // *The Mongolian Journal of International Affairs*. 2014. Vol.19. – P. 34-48.

¹²⁸ *Telford S.* To what extent does post-1990 Mongolia pursue an independent foreign policy? // *UNISCI discussion papers*. October 2004. – P. 1-15.

Целью диссертационного исследования является выявление основных закономерностей и тенденций развития политического процесса в современной Монголии в контексте постсоциалистической трансформации.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- Выявить основные закономерности и характеристики политических процессов в бывших социалистических странах, очертив теоретические рамки понятия «постсоциалистическая трансформация»;

- Вычленить историко-культурные факторы политического процесса в Монголии, оказывавшие влияние на траекторию политического развития страны в различные периоды ее истории;

- Определить истоки и основные черты постсоциалистической трансформации в Монголии, приведшей к кардинальным изменениям идейно-доктринальных основ функционирования политической системы;

- Описав правовой статус основных политических институтов (парламента, правительства, президента), определить механизмы взаимодействия в рамках конституционного устройства современной Монголии;

- Выявить специфику функционирования партийной системы Монголии и вычленить факторы эволюции партийных организаций;

- Раскрыв природу и роль неформальных политических институтов (внутрипартийные группы, бизнес-группы, земляческие сети, гражданские движения), установить степень их влияния на формальные институты в условиях политических реалий Монголии;

- Выявить роль и место Китая во внутривнутриполитическом процессе и внешнеполитической стратегии Монголии;

- Охарактеризовать фактор внерегиональных стран и международных организаций, влияющих на политический процесс современной Монголии;

- Описав состояние современных российско-монгольских отношений, выявить проблемы и перспективы российского влияния на политическое развитие Монголии.

Хронологические рамки исследования охватывают период времени с начала 1990-х гг. по настоящее время. Данный период обозначается как постсоциалистический. Нижняя временная рамка обусловлена началом принципиальных изменений в политической жизни Монголии, в результате «демократической революции 1990 года» отказавшейся от социалистической модели общественного развития и провозгласившей курс на построение демократического государства с рыночной экономикой. Верхняя временная рамка определена текущей политической ситуацией в Монголии. Привлечение материалов более раннего периода было обусловлено проведением сравнительных исследований, позволяющих более точно изучить предпосылки и причины политического процесса на современном этапе.

Источники исследования можно разделить на следующие группы:

1. Официальные нормативно-правовые акты, определившие формальные рамки политического процесса: Конституция Монголии, Закон «О политических партиях», Закон «О выборах», Закон «О государственной службе», Концепция национальной безопасности Монголии, Концепция внешней политики Монголии и другие нормативно-правовые акты.
2. Публичные выступления и официальные заявления, интервью представителей монгольских политических элит, предвыборные программы политических партий и кандидатов в президенты Монголии в период с начала 1990-х по 2017 гг.
3. Данные социологических исследований, опросов общественного мнения Монголии, проводимые монгольским фондом «Сант Марал», сотрудниками Института философии, социологии и права монгольской Академии наук, Институтом социологии Монгольского государственного университета, иных исследовательских организаций и коллективов.
4. Данные Управления статистики Монголии, а также статистические данные и отчеты международных организаций, касающиеся электоральных процессов, социально-экономического и демографического развития Монголии.

5. Материалы монгольских и иных СМИ (газет, журналов, телевидения, интернет-сайтов), освещающих политический процесс в Монголии. Особую значимость представляют материалы национального информационного агентства «Монцамэ», общенациональных монгольских периодических изданий «Өнөөдөр», «Өдрийн сонин», «Ulaanbaatar Post», «Монголия сегодня», «Новости Монголии», интернет-порталов news.mn, sonin.mn, itoim.mn

6. Международные договоры и соглашения, заключенные Монголией с ведущими государствами мира и международными организациями.

Теоретико-методологическая база исследования. Основной теоретической опорой данного диссертационного исследования следует считать концепцию «постсоциалистической трансформации», в рамках которой «постсоциализм» понимается в качестве специфического культурного пространства с общими для многих стран социокультурными проблемами и путями их решения¹²⁹. Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах. Важнейшей дискурсивной составляющей постсоциализма стала идея расставания с коммунизмом как неизбежным общественным строем будущего и необходимости построения капитализма.

Политический процесс в любой современной стране не может быть объяснен исключительно формальными институтами и их функционированием. Согласно широко распространенному в научном сообществе неинституционалистскому подходу, объектами для исследования наряду с формальными, должны быть неформальные институты. Вместе с формальными правилами игры присутствуют неформальные, которые могут реально определять политическую ситуацию. Роль

---

¹²⁹ Лангеноль А. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Ab Imperio. 2004. №1. - С. 365-387.

неполитических по своей природе институтов, таких как бизнес-группы, неправительственные организации и других в последнее время имеет тенденцию к возрастанию. В рассматриваемом случае влияние внешней среды на политический процесс в Монголии осуществляется в том числе через такие неформальные институты как идеология, гражданские и экологические движения. В связи с этим важной методологической основой исследования будет неинституциональный подход¹³⁰.

В диссертационном исследовании использованы следующие методы:

- Метод системного анализа используется для исследования политического процесса в постсоциалистической Монголии как целостного явления, развивающегося под влиянием внутренних и внешних факторов;

- Историко-генетический метод предоставляет возможность изучить процесс генезиса политического процесса в Монголии в различные исторические периоды и провести анализ причинности изменений;

- Компаративистский метод позволяет находить общие и отличительные характеристики политического процесса в Монголии и других постсоциалистических странах, выявить типологически схожие сценарии развития политической системы;

- Институциональный метод – при помощи данного метода исследуются политические институты и их взаимодействие;

- Метод правового анализа документов позволяет исследовать нормативно-правовые основы функционирования политической системы Монголии;

- Метод дискурс-анализа применяется для выявления смысловой составляющей в действиях субъектов политического процесса.

---

¹³⁰ New Institutionalism: Theory and Analysis / Edited by Andre Lecours. – Toronto: University of Toronto Press, 2005. - 380 p.

Основные результаты исследования, полученные автором, и их научная новизна.

Настоящая диссертация представляет собой первое комплексное политологическое исследование, посвященное анализу политического процесса в Монголии с начала 1990-х гг. по настоящее время. Это обстоятельство определяет следующие положения научной новизны:

1. Социалистическая модернизация, включившая в себя кардинальные изменения основ политического процесса в Монголии XX в., оказала решающее влияние на последующие события, связанные с трансформацией монгольской общественно-политической системы на рубеже 1980-1990-х гг.
2. Политическая трансформация Монголии, начавшаяся на рубеже 1980-1990-х гг., стала возможна благодаря сочетанию ряда факторов. С одной стороны, внешним импульсом к началу кардинальных политических изменений стала политика «перестройки» в СССР и последовавшие за ней «бархатные революции» в странах Восточной Европы. С другой стороны, модернистская природа общества социалистической Монголии подготовила системный кризис, приведший к отказу от социалистической модели общественного развития.
3. В отличие от первых многопартийных учредительных выборов в странах Восточной Европы, где победу в основном одержали коалиционные антикоммунистические силы, в Монголии власть сохранила Монгольская народно-революционная партия (МНРП), поддержанная большинством населения. Основными причинами данного феномена нужно считать исторически обусловленное восприятие МНРП в качестве символа монгольской независимости, обретенной под ее руководством в XX в., а также крайне малый стаж ведения политической борьбы оппозиционными партиями, возникшими из числа академической и студенческой молодежи.
4. На основе привлеченного материала была выявлена роль неформальных институтов (внутрипартийные фракции, бизнес-группировки, земляческие сети и др.) в политическом процессе Монголии, при определенных условиях

способных подменять собой формальные институты (правительство, парламент, политические партии).

5. В диссертационном исследовании впервые дается комплексный анализ динамики внешнеполитических ориентиров Монголии, что позволило соотнести степень политического влияния основных внешних акторов (России, Китая, «третьего соседа») посредством сравнительного анализа имеющихся у них ресурсов.

6. С учетом имеющегося у России внешнеполитического потенциала, а также опыта предыдущих лет, были предложены практические рекомендации для выработки стратегии взаимоотношений с Монголией. Реализация данной стратегии поможет сохранить и закрепить политическое влияние России в регионе, будет способствовать успешному отстаиванию ее национальных интересов в Монголии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социалистический период истории Монголии, включивший в себя кардинальные изменения основ политического процесса в стране, оказал наибольшее влияние на последующие события, связанные с трансформацией монгольской общественно-политической системы в начале 1990-х гг.

2. Политическая трансформация Монголии, начавшаяся на рубеже 1980-1990-х гг., стала возможна благодаря сочетанию ряда факторов. С одной стороны, внешним импульсом к началу кардинальных политических изменений стала политика «перестройки» в СССР и последовавшие за ней «бархатные революции» в странах Восточной Европы. С другой стороны, модернистская природа общества социалистической Монголии подготовила системный кризис, приведший к отказу от социалистической модели общественного развития.

3. В отличие от первых многопартийных учредительных выборов в странах Восточной Европы, где победу в основном одержали коалиционные антикоммунистические силы, в Монголии власть сохранила Монгольская народно-революционная партия (МНРП), поддержанная большинством

населения. Основными причинами данного феномена нужно считать исторически обусловленное восприятие МНРП в качестве символа монгольской независимости, обретенной под ее руководством в XX в., а также крайне малый стаж ведения политической борьбы оппозиционными партиями, возникшим из числа академической и студенческой молодежи.

4. Выбор модели реформирования, основанной на синхронизации политических (демократизация) и экономических (свободный рынок) изменений, был обусловлен значительным влиянием восточноевропейского и российского опыта. В этой связи траектория постсоциалистической трансформации имела ряд типологических сходств с аналогичными процессами в странах Восточной Европы.

5. Демократия, воспринимавшаяся монгольским обществом крайне противоречиво, объявлялась главным содержанием и одновременно целью политического реформирования. Радикальные перемены в идеологической, экономической, внешнеполитической сферах трактовались как часть процесса демократизации, что придавало им легитимность в глазах общественности.

6. Институциональный выбор Монголии в пользу парламентской республики был продиктован рядом факторов, среди которых выделяются такие как стремление гарантировать политическую систему от возврата к авторитаризму, сильное идейное влияние западных экспертов, а также соображения внешнеполитической безопасности.

7. Установившаяся с самого начала институционализации новой политической системы мажоритарная форма парламентских выборов определила господство двух партий – Монгольской народно-революционной (с 2010 г. - Народной) и Демократической (ДП). Отсутствие реальной возможности для остальных политических партий пройти в парламент приводит к эффекту картелизации, выраженной в периодических сговорах МНРП/МНП и ДП по тем или иным вопросам.

8. Основными источниками противоречий в механизме взаимодействия законодательного и исполнительного органов власти является

конституционное право совмещения одним человеком депутатских и министерских должностей, а также конституционный механизм формирования состава правительства путем назначения каждого министра членами парламента. Все это приводит к низкой эффективности политического управления, квинтэссенцией которой является частая смена кабинета министров. Это, в свою очередь, ведет к низкому уровню доверия со стороны населения к парламенту и ставит под вопрос результаты демократизации.

9. Низкая эффективность парламентско-премьерской республики способствует популяризации идеи введения президентского правления. На взгляд сторонников данной идеи, это будет способствовать стабилизации исполнительной власти и увеличит ответственность правящих кругов.

10. В рамках политического процесса современной Монголии крайне велика роль неформальных институтов, что определено, в первую очередь, низкой эффективностью и слабостью формальных институтов, прежде всего, парламента и правительства, чья деятельность в значительной степени подчинена интересам лидеров ведущих политических партий. В свою очередь, политические партии зачастую выступают организационным ресурсом для представителей крупного бизнеса, лоббирующего через партийные и парламентские структуры собственные интересы. Все это стимулирует развитие таких общественных проблем как коррупция, nepotизм, произвольная трактовка законов.

11. Высокий уровень коррупции и nepotизма в органах власти затрудняет процесс саморегулирования системы в деле устранения существующих недостатков. В этой связи крайне актуальным является вопрос о роли гражданского общества и его институтов в деле воздействия на власти. Однако подконтрольность многих гражданских движений политическим группам и высокопоставленным политикам, инструментальный характер их деятельности зачастую дискредитируют саму сущность гражданского общества.

12. КНР, являясь крупнейшим торговым и инвестиционным партнером Монголии, одновременно с этим в силу исторических, культурно-психологических и текущих экономических причин играет роль главного источника вызовов и угроз монгольской национальной безопасности. Это обуславливает монгольскую стратегию сотрудничества как с Россией, так и с рядом стран, не имеющих общей границы с Монголией (США, Республика Корея, Япония, страны ЕС), которые призваны стать противовесом Китаю.

13. Ведущие державы Запада и их союзники, в начале 1990-х гг. оказав большое влияние на институциональное оформление политического режима Монголии, продолжают играть важную роль в политическом процессе страны. Внерегionalные державы осуществляют свое политическое влияние, прежде всего, посредством методов и инструментов «мягкой силы» («мягкого влияния») - политической идеологии, структур международных организаций и НПО, военного и гуманитарного сотрудничества.

14. Современная Россия, оставаясь важным военно-политическим и экономическим партнером Монголии, в сравнении с эпохой социализма потеряла доступ к идейной повестке монгольского политического процесса. При развитии негативных тенденций в российско-монгольском экономическом и культурно-гуманитарном сотрудничестве, это может привести к усилению тенденции политического отдаления Монголии от России. В связи с этим насущными задачами для российской стороны являются использование стратегии, основанной на сотрудничестве со всеми ведущими политическими силами Монголии, активизация инвестиционной политики на монгольском рынке и активное применение факторов «мягкой силы» для сохранения и укрепления своего влияния в Монголии.

Научно-практическая значимость работы. Результаты, которые были получены по итогам исследования, будут иметь прикладное значение для отечественных органов власти, российских деловых кругов и институтов гражданского общества, ведущих свою деятельность в Монголии и/или на монгольском направлении. В частности, знание специфики межпартийной и

внутрипартийной борьбы поможет российским органам власти более эффективно планировать сотрудничество с той или иной политической силой Монголии. Реалистичные представления о механизмах принятия решений по наиболее значимым политическим и экономическим вопросам дадут возможность бизнес-структурам России выстраивать соответствующие стратегии вхождения на монгольский рынок. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы для последующего проведения научного анализа политического процесса в Монголии, а также при разработке курса лекций по таким учебным дисциплинам как «Социально-политическая система Монголии», «Внешняя политика Монголии», «История Монголии» для бакалавров направления подготовки «Востоковедение, африканистика», «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения».

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены в докладах и выступлениях:

- Международных научных конференциях: «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (г. Москва, 23-26 июня 2009 г.); «Международные отношения в Центральной Азии: история и современность» (г. Барнаул, 29 апреля 2010 г.); «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции» (14-17 октября 2012 г.); «Социальные идентичности и социальная структура России и Монголии в условиях трансформации» (г. Улан-Удэ, Монголия, 8-10 августа 2013 г.); «Процессы социальной интеграции и дезинтеграции (идентичности в меняющемся мире)» (г. Улан-Батор, Монголия, 8-15 августа 2014 г.); «The international conference on Ulaanbaatar dialogue on Northeast Asia security» (Ulaanbaatar, Mongolia, 17 June 2014); «Арктический диалог в глобальном мире» (Улан-Удэ, 25-16 июня 2015 г.); «Пути и механизмы трансцивилизационного взаимодействия России и Монголии» (Улан-Батор, Монголия, 15-17 августа 2015 г.); «Steppe road: Mongolia's connectivity in Eurasia» (Cambridge, UK, 8-9 December 2015); The Eleventh international congress of Mongolists (Ulaanbaatar, Mongolia, 15-18

August 2016); «Россия – Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы» (Москва, 13-14 октября 2016 г.); «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 12-13 октября 2016 г.); «Мир Центральной Азии – IV» (Улан-Удэ, 18-22 сентября 2017 г.);

- Всероссийских научных конференциях: «Актуальные проблемы современных российско-монгольских отношений» (г. Улан-Удэ, 1 июля 2013 г.); «Монголия в системе международных отношений: история и современность» (г. Улан-Удэ, 15 мая 2015 г.); «Монголия и великие державы: в поиске оптимальной формулы взаимодействия» (г. Улан-Удэ, 29 мая 2015 г.); «Россия и Монголия: прошлое, настоящее, будущее» (г. Чита, 14 марта 2016 г.).

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты легли в основу курса лекций по учебным дисциплинам «Социально-политическая система Монголии», «История Монголии» для бакалавров направления подготовки «Востоковедение и африканистика», «История политических учений Востока» для магистрантов направления подготовки «Востоковедение и африканистика» в ФБГОУ ВО «Бурятский государственный университет».

Основное содержание диссертации отражено в 2-х индивидуальных монографиях «Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века» (Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2009. 13,3 п.л.) и «Политический процесс в постсоциалистической Монголии» (Улан-Удэ: БГУ, 2018. 19 п.л.); коллективной монографии «Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии» (Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2013. 15 п.л.), 27 статьях в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК РФ, и 20 публикациях в иных изданиях. Общий объем публикаций по теме диссертации 55 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 7 глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Работа содержит 17 таблиц, 2 графика и 2 диаграммы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретико-концептуальные основы политического процесса в постсоциалистических странах» при опоре на концепцию «постсоциалистической трансформации» выявляются общие характеристики политического процесса в странах постсоциализма, описываются его концептуальные рамки.

В первом параграфе «Основные подходы в исследовании постсоциализма» исследуются вопросы понимания и интерпретации кардинальных политических перемен, произошедших в странах, бывших членами социалистического содружества, уточняются смысловые рамки понятия «постсоциалистическая трансформация».

Феномен «постсоциалистических стран» возник в качестве предметного поля для политологического исследования сразу после «бархатных революций» в странах Восточной Европы и распада Советского Союза. Согласно теории «демократического транзита», отказ от социализма и провозглашение курса на построение демократической политической системы и рыночной экономики должны были неизбежно привести к достижению поставленной цели при условии соблюдения ряда институциональных процедур. Особенностью теории «демократического транзита» является неразрывная связь ее теоретико-методологической и практико-ориентированной составляющих. В силу глубокой убежденности в правильности и безальтернативности идей «транзита», многие его сторонники поспешили воплотить эти идеи в жизнь.

Данная теория была подвергнута критике за зацикленность на анализе состояния и развития только формальных экономических и политических институтов, идеализацию западного пути развития и невнимание к национальной специфике постсоциалистических стран. Одной из альтернативных теорий, претендующих на более адекватное описание политического процесса в бывших социалистических странах, стала концепция «постсоциалистической трансформации», рассматривающая

постсоциалистические страны как специфический случай политического развития. Начиная с 1990-х гг. страны, относимые к постсоциалистическим, в своем развитии отталкивались от того, что они понимали под социализмом. Новое общество строилось и воспринималось как антипод социализма. Иными словами, «постсоциализм» понимается в качестве специфического культурного пространства с общими для многих стран политическими проблемами и путями их решения. Помимо изменений формальных политических и экономических институтов, не менее значимым при исследовании постсоциалистических процессов являются культурно-идеологические, дискурсивные сдвиги в рассматриваемых сообществах. Важнейшей дискурсивной составляющей постсоциализма стала идея расставания с коммунизмом как неизбежном общественном строе будущего и неизбежности построения капитализма.

Во втором параграфе «**Общее и особенное трансформационных процессов в постсоциалистических странах**» анализируются предпосылки и причины начала политической трансформации в странах Восточной Европы, выделяются основные факторы, определившие специфику их политического развития.

Начатые Москвой изменения социально-экономического и политического характера в рамках политики «перестройки», стали основной предпосылкой для постсоциалистической трансформации. Легитимация оппозиционных сил происходила на основе отрицания возможности достижения коммунизма – декларированной цели правящих режимов восточноевропейских стран. Новая политическая элита восточноевропейских стран после падения режимов компартий стала выступать самым активным сторонником и провайдером либеральных ценностей, ассоциировавшихся с Западом. В отличие от социалистических стран Азии, сосредоточившихся на экономических реформах, постсоциалистические страны предприняли кардинальное реформирование и политической, и экономической систем со всеми вытекающим из этого последствиями.

Выбор парламентских республик в качестве нового институционального дизайна, ставший одной из общих характеристик постсоциалистических стран, был обусловлен стремлением политических элит ограничить власть и амбиции харизматичных лидеров «бархатных революций», а также не допустить повторения социалистического авторитарного сценария. Не последнюю роль в таком институциональном выборе сыграли и теоретические наработки западных политологов и консультантов, продвигавших тезис о парламентской форме как гарантии крепкой и сильной демократии. Внешним фактором сохранения стран Восточной Европы в рамках либерально-демократического дискурса является Запад, представленный политикой США, НАТО, ЕС, в чьи структуры инкорпорированы восточноевропейские государства.

Несмотря на кажущуюся устойчивость и стабильность функционирования демократических режимов в странах Восточной Европы, учрежденные политические институты не стали гарантией от наличия противоречий между декларируемыми целями и реальными результатами политического процесса. Электоральные манипуляции, коррупция, элитизация политического процесса и прочее на фоне снижения уровня жизни широких масс населения привели к разочарованию в идеалах либеральной демократии и способствовали популяризации политиков, ориентированных на консервативные, националистические и клерикальные ценности.

Во второй главе **«Генезис политического процесса в Монголии»** раскрываются ключевые аспекты и характеристики политического процесса в Монголии в рамках динамики исторического развития страны.

В первом параграфе **«Основные черты политического процесса в монгольском традиционном обществе»** делается обзор историко-культурных и хозяйственных факторов развития политической системы в условиях кочевого общества.

Хотя на протяжении многих веков монгольская государственность и монгольское общество не являлись чем-то неизменным и статичным,

представляется возможным выделить наиболее характерные черты политического процесса в истории Монголии до XX в.

Во-первых, политическое управление в кочевом обществе монголов было централизовано гораздо в меньшей степени, нежели у оседлых народов, и ведущая роль (за редким исключением) принадлежала главам аристократических родов и кланов, нежели номинальному верховному правителю.

Во-вторых, политическое развитие кочевых государств Центральной Азии находилось в тесной связи с политикой в отношении Китая, выступавшего одновременно и в качестве врага, и основного торгового партнера.

В-третьих, власть и политика в дореволюционной Монголии считались делом избранных (чингисидов, буддийских перерожденцев), а основная масса населения была отстранена от принятия политических решений, не имела гражданских прав и не считалась «народом» в политическом и государственно-правовом смысле слова.

В-четвертых, социальная организация монголов опиралась на жесткую сословную иерархию, резко ограничивающую социальные изменения.

В-пятых, любой носитель власти неизменно сакрализировался либо в рамках тенгрианской религиозной системы, либо через буддийские культы. Как следствие, можно сделать вывод о традиционном типе господства, который был присущ монгольскому государству в досоциалистическую эпоху.

Во втором параграфе «Политический процесс в МНР сквозь призму социалистической модернизации» рассматриваются изменения в основах и природе политического процесса, произошедших в результате внедрения норм модернистского государства.

В результате Народной революции 1921 г. к власти пришли политические силы, поставившие цель модернизировать монгольское общество в рамках социалистической модели, взяв за основу опыт Советской России. Принятая в 1924 г. Конституция страны содержала в себе основные

политические принципы, кардинально отличавшие новое государство от своих предшественников. Впервые провозглашалась республиканская форма правления, пришедшая взамен теократической монархии. Парламент как высший орган власти формировался посредством всенародных выборов. Граждане наделялись равными гражданскими правами вне зависимости от социальной, национальной, религиозной, половой принадлежности. Буддийская церковь была лишена власти, лишилась монополии на образование.

В ходе социалистической модернизации произошла трансформация монгольского общества. Родоплеменная и региональная идентичности населения Монголии была заменена национальной монгольской идентичностью. В результате политики коллективизации значительная часть монгольских аратов осела на землю. Создание промышленного сектора в экономике страны привело к стремительному росту городского населения. Вместе со сменой места жительства и сферы деятельности изменялись экономические и социальные предпочтения, потребности и ожидания, структура потребления монголов. Помимо прочего, создавая слой городского «модернистского» населения, власти способствовали появлению носителей новой политической культуры, основанной на иных, в сравнении с дореволюционным периодом, формах и методах политического участия.

Таким образом, социалистическая модернизация подготовила политическую, социально-экономическую и социокультурную базу для дальнейшего развития Монголии уже в постсоциалистический период. Монголия оказалась готовой к относительно легкому восприятию политической демократии как атрибута современности благодаря опыту семи десятилетий социалистической эпохи. Кризис социалистической системы второй половины 1980-х гг. подорвал легитимность идеологии правящей партии и социалистической системы в целом, но не основ политической культуры, сформированной в эпоху социализма.

В третьей главе «Идейно-политическая основа постсоциалистической трансформации Монголии» исследуются вопросы дискурсивной природы произошедших в Монголии политических изменений после ее отказа от социалистической модели общественного развития.

В первом параграфе «Начало политической трансформации в рамках кризиса социалистической системы» анализируются основные предпосылки и причины начала кризиса политической системы МНР, описываются идейные установки правящей элиты и оппозиционных по отношению к ней сил.

Сценарий начала политических изменений в МНР был схож по ряду признаков с аналогическими сценариями в восточноевропейских странах. Начавшись как попытка экономических реформ «сверху» по аналогии с политикой «перестройки» в СССР, события постепенно перерастали в массовые выступления, участники которых требовали серьезных политических реформ. Итогом во всех случаях была отставка правительства и лишение коммунистической партии монополии на власть. Становление нового режима власти легитимировалось признанием идейно-политического банкротства социалистической модели общественного развития, на смену которой должен был прийти капитализм как новая модель «светлого будущего» Монголии.

Акции гражданского протеста, инициированные в конце 1989 – начале 1990-х гг. оппозиционными силами, привели к отставке руководства МНРП и внесению поправок в действующую Конституцию. Как и в случае с большинством стран Восточной Европы, начало демократических перемен в Монголии прошло без кровопролития и столкновений власти с оппозицией, что позволило провести прямые параллели с «бархатными революциями».

Такой сценарий развития событий вписывался в общую тенденцию развития стран социалистического содружества, переживавшего системный кризис. МНР, будучи связанной с Советским Союзом и странами Восточной Европы тесными политическими, экономическими, культурно-

образовательными отношениями, находилась под воздействием происходивших в этих странах политических процессов.

Специфику монгольского опыта трансформации можно определить через следующие черты. Монголия, в отличие от восточноевропейских стран, никогда не была знакома с традицией многопартийной системы и вынуждена была начать данный процесс с нулевого цикла. Даже после отказа от социалистической модели развития основные правящие позиции сохранила за собой Монгольская народно-революционная партия, одержавшая убедительную победу на первых многопартийных парламентских выборах. Подобные результаты резко контрастировали на фоне аналогичных процессов в восточноевропейских постсоциалистических обществах, где победу на первых выборах как правило одерживали антикоммунистические блоки и коалиции. Данное обстоятельство может быть объяснено как особой ролью этой партии в истории Монголии в XX в., так и отсутствием опыта политической борьбы у оппозиционных сил.

Во **втором параграфе «Механизмы легитимации социально-политической трансформации»** рассматриваются основные изменения идейно-доктринальных основ функционирования политической системы, описываются практические шаги монгольских реформаторов в направлении укрепления нового политического режима на основе ценностей либеральной демократии.

Институциональные изменения первых лет постсоциалистической трансформации в Монголии происходили на фоне и под влиянием изменений идеологического характера. Идеино-политический плюрализм, гарантированный отредактированной конституцией, выразился в появлении новых для Монголии политических идеологий. Как правило, имело место заимствование различных западных политических идеологий.

При известных идеологических разногласиях внутри монгольской политической элиты в начале 1990-х гг. сложился негласный консенсус по поводу общей оценки происходивших изменений. В основе данного

консенсуса лежал отказ от социализма как неэффективного пути развития. Политический миф о социализме как идеальном строе был заменен типологически схожим мифом о капитализме, который стал восприниматься как панацея от существующих социально-экономических и политических проблем, с которыми столкнулось монгольское общество. При общем отказе от социализма сохранился модернистский взгляд на свою историю, настоящее и будущее. В этой связи неслучаен выбор монгольских правящих элит курса на построение рыночно ориентированной экономики и демократизацию общественно-политической жизни страны.

Понятием, наиболее часто употребляемым в ходе происходивших в Монголии того периода политических процессов, было «демократия» (монг. «ардчилал»). Демократия рассматривалась главным мерилем современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии.

Постсоциалистическая трансформация предполагала создание новой политической идентичности населения Монголии, формируемой за счет эксплуатации культурно-исторических символов. Центральной исторической темой, призванной повлиять на политический процесс, являлась фигура Чингисхана, которая была поставлена в центр постсоциалистической национальной идеологии Монголии. Толкование образов Чингисхана находилась в прямой зависимости от политических целей и интересов интерпретаторов. Для сторонников либеральной демократии великий хан представлялся «основателем монгольской демократии». Сторонники «сильной руки» видели в нем символ порядка и могущества. Аналогичным образом виделся процесс частичного восстановления позиций буддизма в общественных процессах, воспринимавшегося как часть национального возрождения и атрибут демократизации монгольского общества.

Неотъемлемым атрибутом трансформационных процессов в Монголии, как и в странах Восточной Европы, был процесс переосмысления собственного исторического опыта и реформирования представлений о

нации, истории и культуре посредством активного использования понятия «демократия». Одним из следствий этого стал подъем антисоветских и русофобских настроений. Социализм, тесно ассоциировавшийся с СССР, в момент своего кризиса стал восприниматься как навязанная советской стороной тупиковая модель, явившаяся источником всех текущих проблем для собственного национального развития. Соответственно отказ от социализма означал, в том числе, и дистанцирование от Советского Союза, его политического, экономического и культурного влияния. На этом фоне получило развитие активное сотрудничество с ведущими западными государствами (США, Германией, Францией) и их союзниками (Японией, Южной Кореей), приведшее к переформатированию внешней политики Монголии.

Четвертая глава «Институциональный дизайн политического процесса постсоциалистической Монголии» содержит исследовательский материал, посвященный основным политическим институтам, зафиксированным в новой Конституции Монголии, посвящена сравнительному анализу роли формальных институтов в процессе решения наиболее значимых для страны задач.

Первый параграф «Динамика политического процесса в рамках монгольского парламентаризма» посвящен описанию ключевых характеристик сложившейся в Монголии после 1992 г. парламентско-партийной системы, выявляет факторы, определившие низкую эффективность деятельности законодательной ветви власти и формируемого ей правительства.

Принятая 13 января 1992 г. и утвержденная 12 февраля 1992 г. новая Конституция Монголия содержит в себе нормы, определившие генеральное направление развития политической системы страны. Выбор в пользу парламентской формы республики был обусловлен рядом факторов. Во-первых, это стремление обезопасить новую систему от повторного скатывания в авторитаризм. Во-вторых, идейное влияние западного экспертного

сообщества, рассматривавшего парламентскую республику как лучший вариант для демократизации. В-третьих, увязка парламентской формы с более эффективной внешней политикой, гарантированной от односторонней ориентации на какую-либо из великих держав. Наконец, определенную роль здесь сыграло отсутствие харизматической фигуры на политическом олимпе Монголии в начале 1990-х гг. Процесс трансформации политической системы Монголии фактически завершился пактом политических элит, что способствовало формированию режима, предполагающего наличие множества субъектов принятия решения. По этим причинам институционально новый режим и оформился в виде парламентской республики.

Принимая во внимание конституционную основу политической системы Монголии, выборы в парламент страны выступают ключевыми легитимными формами борьбы за власть, признаваемыми как монгольским обществом, так и внешним окружением. В свою очередь партийный принцип парламентского большинства, ответственного за формирование правительства, делает политические партии одним из ведущих формальных институтов в стране. Закон «О политических партиях» определяет, что премьер-министр должен быть лидером партии, имеющей большинство мест в Великом государственном хурале (ВГХ). Кроме того, политический вес партиям, имеющим свое представительство в парламенте, также добавляет конституционное право выдвигать кандидатов на пост президента Монголии (статья 31, п.2). В результате формальные политические идентичности в Монголии оказались опосредованы партийной системой, которая стала основой институционализации политического процесса в стране.

Несмотря на наличие электоральной конкуренции, в течение всей постсоциалистической эпохи реальные шансы занять места в парламенте имеют только две политические партии – МНРП/МНП и ДП. К основной причине подобной ситуации следует отнести наличие мажоритарной избирательной системы. Это, в свою очередь, привело к эффекту

картелизации, при которой две партии кулуарно решают ключевые общественные проблемы, игнорируя мнение иных политических сил. Следствием картелизации стало снижение доверия граждан Монголии к парламентским выборам как легальной процедуре волеизъявления, а также самому парламенту и политическим партиям как институтам, способным решить актуальные проблемы страны.

Показателем недоверия населения к парламенту и сформированному им правительству является высокая степень протестного голосования. Успех той или иной партии на выборах представляет собой не столько результат принятия или поддержки населением ее программных установок, сколько голосование «против» прежнего состава ВГХ и правительства. Подобная логика электорального процесса сохранилась и в последующие годы, что позволяет сравнить соперничество МНРП и ДП на парламентских выборах с маятником.

Источником противоречий в механизме взаимодействия законодательного и исполнительного органов власти является допускаемое конституцией совмещение одним человеком депутатских и министерских должностей (статья 29, п.1). Как показал опыт последних двух десятилетий, право на совмещение должностей оказывает негативное влияние на систему государственного управления. Занимая депутатское и министерское кресла одновременно, влиятельные монгольские политики развязывают себе руки, становясь безответственными в своих действиях. Действующий депутат легко одобряет решения, принятые им же самим в статусе члена правительства. По сути, эта норма, нарушающая один из принципов демократического правления - разделение властей, ослабляет механизм контроля со стороны ВГХ за деятельностью правительства.

Фактором нестабильности и низкой эффективности работы государственных органов власти также является неэффективный конституционный механизм формирования состава правительства. В отличие от классических парламентских республик, вновь назначенный глава

правительства не имеет возможности самостоятельно формировать состав своего кабинета. Данная прерогатива также принадлежит парламенту, а точнее, политическим партиям, получившим большинство по результатам выборов (статья 39, п.3). Фактически полномочия исполнительной власти расплываются между правительством и парламентом. Это снижает эффективность государственной политики и сводит деятельность высших органов власти страны к совокупности волюнтаристских решений.

Во втором параграфе «Роль института президентства в политическом процессе Монголии» описывается круг конституционных полномочий главы государства, анализируются обстоятельства, делающие политический статус (способность оказывать реальное влияние на политический процесс, популярность среди населения) президента выше его правового статуса.

Несмотря на формально второстепенную роль (согласно конституции), которую призван играть в политическом процессе Монголии ее президент, существуют обстоятельства, делающие его фигуру значимой. Наделение избираемого на прямых всеобщих выборах президента такими полномочиями как право вето в отношении законов и иных решений ВГХ, назначение судей и генерального прокурора, определение основ внешней политики, председательство в Совете национальной безопасности делает его важным участником политического процесса и ставит под сомнение парламентский характер республики.

Проблема распределения властных полномочий между парламентом, президентом и премьер-министром страны осталась одним из самых главных и конфликтногенных вопросов конституционного устройства. Роль института президентства в Монголии зачастую оказывается гораздо более весомой, чем формально предусмотрено законом. Во-первых, влияние института президентства во многом зависит от личного авторитета человека, его харизмы. Во-вторых, роль независимо избранного президента тем выше, чем слабее и разрозненнее парламент и чем неустойчивее сформированное этим

парламентом правительство. В-третьих, влияние президента существенно усиливается, если он одновременно связан с партией, имеющей парламентское большинство.

Особенно выигрышно смотрится фигура президента на фоне частых парламентских кризисов, коррупционных скандалов, низкой эффективности правительственных реформ (в том числе в деле развития ведущей для экономики страны горнорудной отрасли). В этих условиях имидж президента остается стабильно высоким и позитивным, а сам глава государства для многих предстает в качестве главной надежды в деле решения наболевших проблем.

Именно с фигурой президента как национального лидера связываются основные надежды монгольской общественности. Однако, несмотря на высокий уровень общественной поддержки президентской формы правления, реформа конституционного устройства Монголии проблематична в силу таких причин как сложность процедуры внесения изменений в основной закон, оппозиция со стороны парламентских партий, возможная негативная реакция западного сообщества.

В пятой главе «Неформальные институты в политическом процессе Монголии» выявлены основные неформальные институты политического процесса, оказывающих значительное влияние на функционирование политической системы страны.

Первый параграф «Внутрипартийные группы как субъекты монгольского политического процесса» посвящен анализу причин, источников и механизмов формирования и воспроизводства внутрипартийных групп, играющих ключевую роль в процессе принятия политических решений по наиболее значимым вопросам.

Наряду с формальными политическими институтами (парламентом, правительством, президентом, судами, политическими партиями) в монгольском политическом пространстве широко представлены неформальные институты. Ведущую роль в определении деятельности

основных формальных институтов Монголии играют внутрипартийные группы, как правило, выступающие организационными формами борьбы представителей крупного бизнеса за политические и экономические ресурсы.

Фактором, обусловившим институционализацию и регулярное воспроизводство внутрипартийных фракций в политическом процессе Монголии, является их тесная связь с крупным бизнесом. Высокий политический статус, дарованный политическим партиям конституцией и другими нормативными актами Монголии, делает их привлекательными для различных бизнес-группировок. Доступ к процессу принятия значимых решений, возможность лоббировать собственные коммерческие интересы и правовой иммунитет являются ключевыми мотивами для богатейших людей страны избираться в парламент и становиться членами правительств. Организационно бизнес-группировки, как правило, оформляются в виде внутрипартийных фракций, каждая из которых заинтересована в продвижении своих членов в состав правительства и другие государственные органы.

Связь политических партий и крупного бизнеса во многом обеспечивается благодаря издержкам законодательства в сфере финансирования политических партий. Реальный объем средств, расходуемый партиями на избирательную кампанию, как правило, существенно превосходит официально заявленный. Незадекларированная разница, как правило, тратится на нелегитимное приобретение электоральной поддержки, в том числе прямую покупку голосов, а сама борьба на выборах зачастую сводится к финансовому противостоянию богатых людей. Как итог, практически никак не контролируемое финансирование богатыми гражданами собственной избирательной кампании или кампаний своих друзей и деловых партнеров становится основным механизмом формирования и воспроизводства политических бизнес-группировок в высших органах власти.

Помимо недостатков в законодательстве, регулирующем финансирование политических партий, фактором переплетения политики и бизнеса в Монголии нужно признать сложившуюся практику использования

государственных должностей и активов в собственных интересах. Значительную часть современной монгольской экономики составляют госпредприятия, находящиеся в прямом ведении отраслевых министерств. По негласной традиции, сложившейся с 1990-х гг., главами всех крупных госпредприятий назначаются ставленники победившей на выборах партии. Соответственно, от исхода борьбы между внутрипартийными фракциями зависит ответ на вопрос о том, представители какой бизнес-группы возглавят ведущие государственные предприятия.

Наряду с бизнес-интересами не менее важным каналом формирования и воспроизводства фракций выступают кланово-родственные и земляческие связи. В монгольском политическом пространстве четко прослеживается кооперация тех или иных политиков на основе общего регионального происхождения. Каждый сомон (административная единица, составляющая аймак) имеет собственный «местный совет» (монг. «нутгийн зөвлөл»), представленный в городах Монголии – Улан-Баторе, Эрдэнэте, Дархане. По большому счету данные советы являются организационными формами региональных диаспор. Основной задачей советов является поддержка своего сомона через консолидацию выходцев из него, занимающих заметные позиции в политике, бизнесе, науке, культуре, спорте. Данные социальные сети обеспечивают материальную и моральную поддержку землякам, включая помощь в продвижении по государственной службе и в предвыборной борьбе.

Прямым следствием господства интересов отдельных внутрипартийных групп и стоящих за ними крупных бизнес-структур, земляческих и родственных сетей стала практика назначения сотрудников государственного аппарата преимущественно по принципу личной преданности и партийной принадлежности. Подобное проявление nepотизма и патронажно-клиентельных отношений при осуществлении государственной политики приводит к низкому качеству государственного управления, неспособности реализовать крупные экономические проекты и отсутствию принципов

преимущества при исполнении ранее принятых на себя обязательств, в том числе перед иностранными партнерами.

Во втором параграфе «**Политическая деятельность гражданских движений в контексте социально-экономического развития Монголии**» раскрывается связь между существующими неформальными институтами и практиками в монгольском политическом процессе и ключевыми для страны проблемами социального и экономического характера.

Тенденцией развития политического процесса в Монголии может быть названа деидеологизация ведущих политических партий. Факторами, обуславливающими эту тенденцию, являются изменения социально-экономического характера – сегментация социальной структуры, миграция из сельской местности в города, высокий уровень бедности и безработицы, общий низкий уровень жизни населения страны. Все это создало условия для господства популизма (включая национализм и ксенофобию) как главного принципа в деятельности монгольских политиков и партий, подменяющего собой иные идеологические принципы. В свою очередь, доминирование популистов не приводит к решению реальных политических и социально-экономических проблем, государственная политика, как правило, носит стихийный характер, диктуется лишь текущими обстоятельствами.

Другой тенденцией в политической жизни Монголии является высокий уровень политической активности масс помимо участия в выборах. Ведущей формой такого участия стали оппозиционные власти гражданские движения, претендующие на статус альтернативной государственным и партийным структурам силы. Не случаен тот факт, что основными направлениями в деятельности подобных гражданских движений являются такие актуальные для монгольского общества задачи как противодействие коррупции, справедливость избирательного процесса, защита окружающей среды. Однако общий низкий уровень жизни населения Монголии является предпосылкой для активного использования гражданскими движениями радикальных методов и форм борьбы, замешенных на популизме и ксенофобии. Кроме того,

доминирование внутрипартийных групп и стоящих за ними деловых и родственно-земляческих сетей, приводит к снижению роли гражданских движений, нередко используемыми в качестве инструмента для решения текущих политических задач. В целом, как показывает практика, активность гражданских движений за редким исключением мало влияет на принятие стратегических решений и решение насущных проблем общества.

Таким образом, яркой характеристикой политического развития Монголии стал тот факт, что демократизация избирательного процесса оказалась выше уровня демократизации в целом. Большое внимание правящих элит и международных экспертов к процедуре выборов и поддержанию межпартийной конкуренции отодвинуло на второй план иные аспекты демократического процесса – подконтрольность элит, прозрачность процесса принятия политических решений, независимость СМИ.

В шестой главе «Международно-политический контекст политического процесса в Монголии» дается анализ взаимоотношений Монголии с влиятельными зарубежными государствами помимо России, исследуется характер и степень их влияния на политическую ситуацию в стране.

В первом параграфе «Политический процесс в постсоциалистической Монголии и отношения с Китаем» рассматривается вопрос о китайском факторе монгольского политического процесса с учетом исторических и текущих политических, социально-экономических и культурно-психологических факторов.

В начале 1990-х гг. в результате распада СССР и резкого ослабления связей между новой Россией и Монголией последняя получила возможность диверсифицировать свои внешние контакты. В первую очередь, это выразилось в дипломатическом прорыве на китайском направлении. В этот период были окончательно нормализованы политические отношения между странами, долгое время находившимися в состоянии конфронтации.

С начала 1990-х гг. активно развивается монголо-китайское сотрудничество в военной, образовательной, научной-культурной сферах. Но наиболее впечатляющий прогресс достигнут в экономической сфере. Торгово-экономические связи между странами возросли с 2% в 1990 г. до 56% в 2014 г. от общего объема внешней торговли Монголии. Китайский капитал занимает лидирующие позиции на монгольском инвестиционном рынке. Все эти обстоятельства объективно делают КНР одним из главных внешних партнеров Монголии.

В то же время существует ряд причин, по которым Китай не может рассматриваться в качестве самого приоритетного партнера для Монголии. Более того, образ Китая и китайцев в общественно-политическом дискурсе все чаще рисуется в качестве главной угрозы национальной безопасности страны.

Современная КНР в политическом процессе Монголии присутствует в двух основных вариациях. С одной стороны, комплекс взаимоотношений с южным соседом является важнейшим фактором экономического, социального, культурно-образовательного развития Монголии. Различные дивиденды, получаемые от сотрудничества с Китаем, используются монгольским руководством в качестве источников для национального развития. Это, в свою очередь, создает объективные предпосылки для увеличения политического влияния КНР в Монголии и предоставляет Пекину возможность для будущего более активного воздействия на политическую ситуацию в соседней стране.

С другой стороны, именно с китайской стороной связываются наиболее актуальные вызовы и угрозы национальной безопасности Монголии. Одним из таких источников угрозы называется экономическая зависимость от южного соседа, способная в перспективе перерасти в политическую. И хотя Пекин подчеркнуто устраняется от монгольской внутривнутриполитической тематики, сосредотачивая внимание исключительно на экономических интересах, подозрения монгольской общественности не снижаются. Данные опасения активно используются в политических дискуссиях монгольских

политиков. Другой источник угрозы видится в демографическом и криминальном давлении Китая. По официальным данным, большинство рабочих мигрантов в стране составляют китайские граждане. Кроме того, китайцы зачастую ведут в Монголии незаконный бизнес, связанный с добычей золота, контрабандой различных товаров, подделкой документов, что также подпитывает негативный образ Китая. Для существующих в Монголии неонацистских организаций именно китайцы являются главными объектами для нападения и символической агрессии в форме антикитайских митингов и китаефобских граффити на улицах Улан-Батора.

Особое место при анализе монголо-китайских отношений занимает проблема исторической памяти. За многовековой период существования китайского и монгольского социумов обе стороны неоднократно совершали агрессию по отношению друг к другу. Вполне естественно, что такой глубинный пласт «исторической памяти» не мог не породить у китайского и монгольского народов сложного психологического комплекса взаимного восприятия. В свою очередь восприятие Монголии и монголов в Китае также является источником для подозрений и настороженности в двусторонних отношениях. Несмотря на официальную неоднократно подтвержденную позицию Пекина о признании независимого статуса Монголии, внутренняя пропаганда КНР упорно подчеркивает легитимность китайских территориальных притязаний в форме публикации географических карт с указанием монгольской территории в качестве части КНР, издания соответствующих учебников и брошюр.

Устойчивый негативный образ Китая в Монголии, привнесённый историческими и текущими проблемами, нередко является не только сдерживающим обстоятельством для более глубокого развития монголо-китайских отношений, но и удобным ресурсом для решения внутриполитических задач с активным использованием образа «китайской угрозы». Принимая во внимание конъюнктурность многих антикитайских акций и заявлений ряда монгольских политиков и общественных деятелей, в

то же время не следует оценивать антикитайские настроения как исключительно искусственное явление. В силу указанных причин ни одна политическая сила в Монголии не является открытым сторонником прокитайски ориентированной внешней политики и не будет в подобном случае иметь серьезной поддержки среди населения страны.

Ряд объективных факторов экономического, социального, историко-культурного характера закладывают фундамент для устойчивой китаефобии в монгольском обществе, что предоставляет поле для влияния на Монголию иных геополитических игроков, таких как Россия, США, страны ЕС, Япония, Южная Корея.

Во втором параграфе «Внерегionalные страны как новый фактор политического процесса в Монголии» исследуются основные формы и методы влияния на политический процесс в Монголии держав, не имеющих с ней общей границы, но рассматриваемых Улан-Батором в качестве значимых зарубежных партнеров.

На протяжении большей части социалистического периода своей истории Монголия была ограничена в контактах с внешним миром рамками стран-членов социалистического содружества. Фактор внерегionalных держав во внутривполитическом процессе МНР практически никак не присутствовал. В начале 1990-х гг. Улан-Батор, отказавшись от односторонней ориентации на Россию, избрал стратегию многоопорной внешней политики, в рамках которой значительное место уделяется т.н. «третьему соседу». Данное понятие включает в себя круг стран, не имеющих общих границ с Монголией, но в силу ряда обстоятельств способных оказывать определенное влияние на международно-региональную ситуацию. Понятие «третий сосед» упоминается в таких монгольских официальных документах, как «Концепция национальной безопасности» и «Концепция внешней политики».

Внерегionalные партнеры Монголии, представленные прежде всего ведущими державами Запада и их союзниками, оказали большое влияние на

институциональное оформление ее политического режима. Монголия, со своей стороны, будучи заинтересованной в обеспечении национальной безопасности, была вынуждена принять правила игры «третьего соседа» в обмен на гарантии экономической и политической поддержки. Прямым следствием реализации данной стратегии стал экспорт демократических институтов и практик, воссозданных в действующей конституции Монголии.

Несмотря на значительную территориальную отдаленность от Монголии держав, включаемых в понятие «третий сосед», а также их сравнительно небольшое место во внешнеэкономических связях Монголии, роль Запада и его союзников в монгольском политическом процессе крайне высока. Более того, географическая удаленность США и ряда других великих держав от Монголии делает их более «мягкими» по сравнению с Россией и Китаем партнерами для Улан-Батора, заставляя монголов больше беспокоиться о том, чтобы Вашингтон, Брюссель, Токио, Сеул не потеряли к ним интерес, нежели о западном доминировании. Принцип «общности демократических ценностей» является важным каналом влияния западных стран на Монголию, действующих как посредством официальных государственных структур (правительственных органов, посольств), так и через международные и частные неправительственные организации и фонды. Все это создает ситуацию активного присутствия «третьего соседа» в политическом пространстве Монголии.

В седьмой главе «Роль России в политическом процессе Монголии» анализируются история, состояние, проблемы и перспективы российского влияния на политическое развитие Монголии, определяются преимущественные и уязвимые стороны внешнеполитического инструментария России в отношениях с Монголией.

Первый параграф «Историческая основа российского влияния в Монголии» посвящен ретроспективному анализу роли и места России в политическом развитии Монголии в XVII-XX вв.

В силу ряда исторических причин российский фактор в монгольском политическом процессе традиционно является одним из наиболее значимых. Россия в независимости от ее государственного статуса и официальной идеологии исторически была для Монголии главным источником внешней безопасности и независимости. Благодаря всесторонней поддержке со стороны Российской империи, а затем и Советского Союза Монголия сумела добиться независимости от Китая и международно-правового признания в XX в. Советский Союз помимо прочего выступил ключевым фактором модернизации экономической и общественно-политической системы Монголии. Как следствие, социалистический путь развития Монголии был практически полностью скопирован с советского образца со всеми его позитивными и негативными результатами. В связи с этим в социалистический период монгольской истории отношения СССР и МНР носили союзнический характер.

Основой советско-монгольского союза была идейно-политическая общность руководства двух стран. Данные обстоятельства определили высокую степень влияния Москвы на внутривнутриполитическое развитие МНР, полностью ориентированной на советский опыт государственного и партийного строительства. Системный кризис, охвативший Советский Союз на рубеже 1980-1990-х гг., автоматически распространился на Монголию, теснейшим образом связанной с советской стороной политико-идеологическими, социально-экономическими, социокультурными отношениями.

Второй параграф «Российский фактор политического процесса в постсоциалистической Монголии» содержит в себе анализ влияния России на внутривнутриполитическую ситуацию в Монголии в контексте современного состояния российско-монгольских отношений.

С распадом СССР и отказом Монголии от социализма отношения между Москвой и Улан-Батором, утратив союзнический характер, приобрели новые

качества. Российская Федерация для постсоциалистической Монголии стала лишь одним из многих значимых внешнеполитических партнеров.

Российско-монгольские отношения, пережив период взаимного охлаждения, в начале XXI в. активизировались, выйдя на уровень стратегического партнерства. Постсоветская Россия в силу исторических и текущих геополитических обстоятельств привлекательна для Монголии, прежде всего, как военный партнер, сотрудничество с которым способно снизить возможные внешние вызовы и угрозы. Именно этим объясняется высокий уровень военного сотрудничества между странами, а также позитивный образ России среди монгольского населения. В связи с этим, актуальной задачей России является использование факторов «мягкой силы» (позитивный имидж среди монгольского населения, русский язык, российское образование, безвизовый режим) для сохранения и укрепления своего влияния в Монголии.

На фоне резкого падения уровня торгово-экономических отношений и ослабления культурно-образовательных связей снизилась роль российского фактора во внутриполитическом процессе Монголии. С начала 1990-х гг. Россия утратила такой значимый инструмент политического влияния в Монголии как идеология. Отказ от принципа «пролетарского интернационализма» убрал с повестки фактор идеологической близости двух стран. Вместе с идеологией исчез важнейший канал, долгие годы связывающий элиты двух стран, а именно, межпартийные связи КПСС и МНРП. Более того, в дальнейшем фактор идеологии стал скорее сдерживающим, нежели сближающим элементом в отношениях Монголии с Россией. Монгольские элиты, позиционируя свою страну как успешную молодую демократию, периодически противопоставляют ее России.

Вплоть до настоящего времени продолжается снижение российской доли во внешней торговле Монголии, крайне незначительны российские инвестиции в монгольскую экономику. Одним из серьезных факторов, препятствующих успешному продвижению российских экономических

интересов в Монголии, на наш взгляд, является ошибочная стратегия, избранная Москвой в отношениях с Улан-Батором. Во-первых, это убежденность в том, что в монгольском политическом пространстве четко представлены «пророссийские» и «прозападные» (а значит, «антироссийские») силы. К первым, якобы, относится МНРП/МНП, ко вторым – большинство оппозиционных ей партий во главе с ДП. Соответственно, необходимо всесторонне поддерживать именно МНРП/МНП. Во-вторых, это расчет на то, что высокий уровень политического взаимодействия Москвы и Улан-Батора, личные доверительные отношения между лидерами являются гарантией продвижения российских экономических интересов в Монголии, в первую очередь – в самой перспективной горнорудной отрасли страны. Как показывает опыт двух последних десятилетий, данная стратегия оказалась не эффективной, так как в ее основе лежали неверные представления о природе и механизмах политического процесса в постсоциалистической Монголии.

Несмотря на позитивный образ России среди населения Монголии, степень российского влияния на политический процесс в стране может быть оценена как несоответствующая реальным возможностям и интересам обеих сторон. Российская сторона, не имеющая эффективных идеологических и экономических инструментов влияния, на данный момент не является активным игроком в деле формирования внутривнутриполитической повестки постсоциалистической Монголии. Принимая во внимание данные обстоятельства, крайне необходимым условием стабильного российского присутствия в политической жизни Монголии является использование более тонкой стратегии при выстраивании отношений с различными акторами монгольского политикума, не ограничивая себя контактами только с одной партией.

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются наиболее значимые выводы.

Методологический инструментарий теории «постсоциалистической трансформации» позволяет наиболее объективно и адекватно рассмотреть и

описать основные характеристики политического процесса в Монголии как типичного случая постсоциалистического государства.

Процессы постсоциалистической трансформации, начавшиеся в странах Восточной Европы на рубеже 1980-1990-х гг., несмотря на страновую специфику, имели большое количество типологических сходств. Формальной стороной изменений стал поворот бывших членов социалистического содружества к построению демократических институтов и основ рыночной экономики. При этом концептуально данные процессы опирались на постсоциалистический дискурс, согласно которому социализм объявлялся «неэффективной моделью развития», а на его место должен был прийти капитализм, как универсальный путь развития человеческой цивилизации. Характерным явлением развития постсоциалистических стран Восточной Европы стало противоречие между декларируемыми целями и реальными результатами политического процесса. Проблемы, связанные с предвыборными манипуляциями и высоким уровнем коррупции на фоне низкого уровня жизни населения стран Восточной Европы привели к дискредитации либеральной демократии и создали почву для политиков-популистов.

Элементом, играющим одну из ключевых ролей в политическом процессе постсоциалистических стран Восточной Европы, следует признать фактор внешней среды. Получив изначальный импульс от политики «перестройки» в СССР, постсоциалистическая трансформация в странах Восточной Европы продолжилась под сильным влиянием со стороны США и ЕС, которые посредством финансовых, военных, организационных, идеологических ресурсов осуществляли свое влияние в регионе.

Монголия, будучи частью мировой социалистической системы, продемонстрировала в начале 1990-х гг. готовность к восприятию идей электоральной демократии, личных гражданских прав и свобод, а также капиталистических методов хозяйствования благодаря многолетнему опыту социалистической модернизации. Политика властей эпохи социализма,

направленная на оседание кочевников на землю, создание промышленной базы и урбанизацию, внедрение системы массового образования и здравоохранения, секуляризацию общественной жизни привела к превращению Монголии из сугубо аграрного традиционного общества в общество модернистского индустриального типа, что стало базовой предпосылкой для дальнейших изменений.

Становление нового режима власти в Монголии начала 1990-х гг., как и в случае со странами Восточной Европы, легитимировалось признанием идейно-политического банкротства социалистической модели общественного развития, на смену которой должен был прийти капитализм как новая идеальная модель будущего. В результате, несмотря на географическую удаленность Монголии от стран Восточной Европы, как основного очага постсоциалистической трансформации, причины, характер и ход начавших в конце 1980-х гг. изменений по многим признакам близки к восточноевропейскому сценарию.

Специфика Монголии проявилась в том, что произошедшая трансформация привела к более глубоким социально-политическим и экономическим изменениям, нежели в Восточной Европе. Монголия, в отличие от восточноевропейских стран, никогда не была знакома с традицией многопартийной системы и вынуждена была начать данный процесс с нулевого цикла. В экономике МНР, в большой степени зависимой от хозяйственных связей с СССР, отсутствовали какие-либо элементы частного сектора, имевшие место в большинстве экономик стран Восточной Европы. Как следствие, механическое следование западным рекомендациям в сфере социально-экономического реформирования спровоцировали в Монголии массовую бедность, безработицу и прочие проблемы социального характера.

Выбор Монголией парламентской формы правления был обусловлен общими для всех постсоциалистических стран причинами, а именно, стремлением углубить демократизацию политической системы посредством децентрализации системы управления и, тем самым, не допустить скатывания

к авторитаризму. При этом значительную роль в данном выборе сыграли внешнеполитические факторы, представленные прежде всего западными странами и их экспертным сообществом.

Стремясь решить задачу демократизации политической системы, монгольские политические элиты сформировали конституционное устройство, для которого характерно отсутствие сбалансированных отношений между основными институтами власти, что определяет характер политического процесса. Децентрализация системы управления посредством разделения властных полномочий между институтом парламента, правительства и президента не стала гарантией эффективного функционирования созданной политической системы. В частности, практика совмещения депутатских и правительственных постов приводит к нарушению принципа разделения властей, а норма, предполагающая назначение каждого члена правительства парламентом способствует перманентной нестабильности исполнительной ветви власти. Данные проблемы исполнительной и законодательной ветвей власти порождают и делают популярными призывы к превращению страны в президентскую республику во главе с сильным и ответственным лидером.

Основные цели монгольских элит, обозначенные в ходе «демократической революции 1990 г.», были достигнуты преимущественно на формальном уровне. Опыт двух с половиной постсоциалистических десятилетий показал устойчивость таких атрибутов демократического процесса как состязательные выборы, многопартийность, наличие гражданских прав и свобод. Сохраняющаяся высокая степень зависимости политических элит от электоральной поддержки граждан заставляет периодически учитывать общественные настроения, используя их в своих утилитарных целях.

Однако важной чертой политического развития Монголии стал тот факт, что демократизация избирательного процесса оказалась выше уровня демократизации в целом. Большое внимание правящих элит и международных

экспертов к процедуре выборов и поддержанию межпартийной конкуренции отодвинуло на второй план иные аспекты демократического процесса – подконтрольность элит, прозрачность процесса принятия политических решений, независимость СМИ. Несмотря на наличие электоральной конкуренции, реальные шансы занять места в парламенте имеют только две политические партии – МНРП/МНП и ДП. К основной причине подобной ситуации следует отнести наличие мажоритарной избирательной системы. Это, в свою очередь, привело к эффекту картелизации, при которой две партии кулуарно решают ключевые общественные проблемы, игнорируя мнение иных политических сил. Следствием картелизации стало снижение доверия граждан Монголии к парламентским выборам как легальной процедуре волеизъявления, а также самому парламенту и политическим партиям как институтам, способным решить актуальные проблемы страны.

Деятельность политических партий как правило основывается не на идеологической, а на конъюнктурной почве. Преследуя личные или узкогрупповые интересы, члены парламента и правительства игнорируют долгосрочные стратегии развития страны. Преобладающие механизмы борьбы за власть и ее удержание приводят к ослаблению государственных институтов, становящихся инструментами в руках бизнес-группировок и отдельных политиков. Это, в свою очередь, стимулирует рост коррупционной составляющей в политическом процессе, неэффективность государственной политики, в том числе в деле решения социальных и экономических проблем.

Активное использование манипулятивных методов и приемов в ходе избирательных кампаний стало возможно в силу тяжелых жизненных условий большей части населения страны. Массовая бедность, безработица, неуверенность в завтрашнем дне создают благоприятную почву для появления политиков с популистской риторикой. Погруженность в проблемы физического выживания мешают избирателю правильно разобраться в политической ситуации и сделать рациональный выбор.

В целом, непродуманное внедрение и заимствование конституционного устройства и процедур (максимальная децентрализация управления) привели к тому, что реальный политический процесс в Монголии выходит за рамки легальных установок и сводится к господству неформальных практик – внутрипартийной борьбы фракций и бизнес-группировок за доступ к ресурсам политической власти. Срачивание финансово-промышленных групп и партийных элит обесценивает роль гражданского общества и стимулирует политическую апатию широких социальных слоев. В результате, одним из главных итогов политического развития постсоциалистической Монголии двух последних десятилетий является низкая степень удовлетворенности населения способом осуществления демократии. Значительная часть населения Монголии считает, что основные политические институты действуют неэффективно и не в интересах общества, что ставит под сомнение саму легитимность существующего режима.

Внутримонгольский политический процесс неотъемлемо связан с международным уровнем в силу ряда причин. Во-первых, расположение Монголии рядом с двумя великими державами автоматически делает ее объектом их влияния, вовлекая в процессы международно-политического масштаба. Во-вторых, геополитическое расположение Монголии выступает важным фактором пристального внимания к ней со стороны третьих стран, прежде всего США, Японии, Южной Кореи, стран ЕС. В-третьих, потребности социально-экономического развития Монголии, основывающегося на рыночных механизмах, обязывают ее быть активным участником мировых интеграционных процессов.

Роль Китая в политическом процессе современной Монголии крайне противоречива. Без сотрудничества с южным соседом в политической, экономической, научно-культурной, образовательной сферах не мыслимо будущее Монголии. Более того, значение КНР в экономике Монголии в ближайшие годы скорее всего будет только возрастать, вне зависимости от внутривнутриполитических процессов в самой стране.

Однако, именно с Китаем связываются самые негативные сценарии будущего монгольской государственности и монгольской нации. В результате монгольское руководство вынуждено постоянно балансировать между торгово-экономическими интересами страны и общественными настроениями. Данные обстоятельства стимулирует сохранение интереса Монголии к отношениям с иными странами, включая Россию, США, Японию, которые призваны сбалансировать китайское влияние.

Наряду с Россией и Китаем активным игроком в геополитической борьбе за влияние на Монголию является т.н. «третий сосед», представленный рядом внерегиональных держав – США, Японией, Южной Кореей, странами ЕС. Стремясь развивать и углублять процесс демократизации, монгольское руководство так или иначе ориентировано на опыт ведущих демократий Запада, выступающих для Монголии главными экспертными и квалификационными центрами. Более того, позиционирование себя на международной арене в качестве развитой демократии для Монголии является средством обеспечения национальной безопасности, суверенитета, экономического развития и международного престижа. В связи с этим бесспорно то, что фактор «третьего соседа» оказывает постоянное влияние на политический процесс в Монголии.

Россия в силу исторических и текущих геополитических обстоятельств привлекательна для Монголии, прежде всего, как военно-политический партнер, сотрудничество с которым способно устранить возможные внешние вызовы и угрозы. Именно этим объясняется высокий уровень военного сотрудничества, а также позитивный образ России среди монгольского населения.

Вместе с этим, Россия не является активным игроком в деле формирования внутривнутриполитической повестки постсоциалистической Монголии в силу отсутствия достаточных для этого инструментов влияния. Это делает уязвимыми российские позиции в процессе отстаивания собственных экономических интересов в Монголии. Более того, в

современных российско-монгольских отношениях налицо существенное несовпадение масштаба и уровня политического и экономического взаимодействия.

Заметной характеристикой политического процесса в Монголии является низкий уровень влияния внутривнутриполитических изменений на внешнеполитический курс. Убедительная победа одной из ведущих политических партий может несколько скорректировать официальную риторику в отношениях с внешними партнерами, несколько сместить акценты в решении отдельных проблем. Но эти события никак не изменяют принципиальные подходы Улан-Батора к его международно-политическим связям. Среди монгольских политических элит устоявшимся следует признать консенсус по поводу базовых принципов внешнеполитической стратегии. По расчетам Улан-Батора, отношения с «третьим соседом» должны не столько заместить, сколько дополнить отношения с Россией и Китаем. Иными словами, монгольская сторона пытается убедить своих основных внешнеполитических партнеров, что речь идет о параллельных векторах внешней политики, а не о геополитическом треугольнике с характерной для нее «игрой с нулевой суммой».

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

Монографии:

1. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. - 228 с. (13,3 п.л.)
2. Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии / Отв. ред. В.А. Родионов. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. - 248 с. (личный вклад - введение, гл. 1, п. 1.1, 1.2, гл. 2, п. 2.1, гл. 3, п. 3.2.1, 3.2.2, 3.3.1, 3.3.2, заключение – объем 7,5 п.л.)
3. Родионов В.А. Политический процесс в постсоциалистической Монголии. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2018. – 340 с. (19 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых

Перечнем ВАК:

1. Родионов В.А. Региональная идентичность современной Монголии: основные тенденции // Вестник Бурятского государственного университета. – 2006. - Серия 16. Политология, культурология. - Выпуск 3. – С. 63-69.
2. Родионов В.А. Эволюция подходов руководства России и Монголии к двусторонним отношениям // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2010. - Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. - №2(18). - С. 133-140.
3. Родионов В.А. Концепция сателлитизма в историографии советско-монгольских отношений // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. - Востоковедение. - Выпуск 8. – С. 229-233.
4. Родионов В.А. Российская внешнеполитическая стратегия в отношении Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2010. - Выпуск 14а. - Философия, социология, политология, культурология. - С. 190-193.

5. Родионов В.А. Монголия, которую мы не знали // Полис. Политические исследования. - 2011. - №4 (124). - С. 185-189.
6. Родионов В.А. Внешнеполитическая стратегия современной Монголии: фактор КНР // Вестник Бурятского государственного университета. - 2011. - Выпуск 8. - Востоковедение. - С. 201-206.
7. Родионов В.А. Монголия и ШОС: сотрудничество на расстоянии // Известия Уральского федерального университета. - 2012. - Серия 2: Гуманитарные науки. - №4 (108). - С. 244-250.
8. Родионов В.А. Конкуренция иностранных держав горнорудной отрасли Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2012. - Выпуск 8. - Востоковедение. - С. 221-225.
9. Родионов В.А. Президентская власть в политической системе Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2012. - Выпуск 6а. - Философия, социология, политология, культурология. - С. 223-227.
10. Родионов В.А. Факторы «мягкой силы» во внешней политике России в отношении Монголии // Преподавание истории в школе. - 2013. - №5. - С. 39-43.
11. Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией // Власть. - 2013. - №2. - С. 137-140.
12. Родионов В.А. Демократия как внешнеполитический ресурс: случай Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2013. - Выпуск 8. - Востоковедение. - С. 96-100.
13. Родионов В.А., Бадмацыренов Т.Б. Модели и сценарии международных отношений: Россия и Монголия // Власть. - 2013. - №9. - С. 74-78. (личный вклад автора – 0,4 п.л.)
14. Родионов В.А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2014. - Выпуск 8. - Востоковедение. - С. 152-155.

15. Родионов В.А. Политическая трансформация Монголии в социалистический период: от традиции к модерну // Теория и практика общественного развития. - 2014. - №17. – С. 142-147.
16. Бадмацыренов Т.Б., Родионов В.А. Социология экономики буддизма: концептуальный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. - 2014. - Выпуск Философия, социология, политология, культурология. - 14(2). - С. 49-54. (личный вклад автора – 0,3 п.л.)
17. Родионов В.А. Политический процесс в постсоциалистической Монголии: формальные институты и неформальные практики // Власть. - 2015. - №2. - С. 76-81.
18. Родионов В.А. Буддизм в политическом процессе постсоциалистической Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2015. - Выпуск Философия, социология, политология, культурология. - 6а. - С. 78-83.
19. Родионов В.А. О перспективах нового российско-монгольского союза // Вестник Бурятского государственного университета. - 2015. - Выпуск 8(1). - Востоковедение. - С. 190-197.
20. Бадмаев А.З., Родионов В.А. Регионы Сибири и Дальнего Востока в зеркале СМИ Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. - 2015. - Выпуск 14(1). - Философия, социология, политология, культурология. - С. 101-106. (личный вклад автора – 0,4 п.л.)
21. Родионов В.А. Монголия в конце 1980-х гг.: начало постсоциалистической трансформации // Власть. - 2016. - №5. - С. 156-160.
22. Родионов В.А. Партийные фракции в политическом процессе современной Монголии // Власть. - 2017. - №1. - С.72-76.
23. Родионов В.А. Партийная система современной Монголии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. - 2017. - №2. - С. 44-51.

24. Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический конфликт // Вестник Томского государственного университета. - 2017. - №420. - С. 125-130. (личный вклад автора – 0,4 п.л.)
25. Родионов В.А. Фактор Далай-ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. - 2017. - №9. - С. 153-157.
26. Родионов В.А., Бураев Д.И. Выборы президента Монголии-2017: внешнеполитические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. - №5. - С. 26-31. (личный вклад автора – 0,4 п.л.)
27. Родионов В.А. Буддизм и постсоциалистическая трансформация в Монголии // Власть. – 2018. - №2. – С. 94-99.

Другие публикации:

1. Родионов В.А. Третий «коллективный» сосед как фактор суверенитета современной Монголии // Материалы научных круглых столов «Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. Монголия и ее окружение». - М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2005. - С. 57-59.
2. Родионов В.А. Региональная идентичность современной Монголии: основные варианты и тенденции // Материалы международной научной конференции «Социально-политические трансформации: идентичности и структуризации в меняющемся мире». - Улан-Батор: Институт философии, социологии и права АН Монголии, 2009. - С. 59-65.
3. Rodionov V.A. «Mongolia we have lost...» An Image of the Country in Russian Mass Media // Материалы международной научной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций». - М.: Институт Африки РАН, 2009. - С. 254-255.
4. Родионов В.А. Эволюция российско-монгольских торгово-экономических отношений (фактор регионально-приграничных связей) // Нийгмийн шинлэх ухааны эрдэм шинжилгээний бичиг (Улан-Батор). - 2009. - №5. - С. 128-134.

5. Родионов В.А. Монголын талаархи Оросын гадаад улс төрийн стратеги (Российская внешнеполитическая стратегия в отношении Монголии) // Олон улс судлал (Улан-Батор). – 2010. - №3. - С. 49-53.
6. Родионов В.А. Перспективы участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) // Вестник БНЦ СО РАН. - 2011. - №3. - С. 130-136.
7. Родионов В.А. Образ России в дискурсивных практиках СМИ Монголии // Материалы международной научной конференции «Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации)». - Улан-Батор: Институт философии, социологии и права АН Монголии, 2011. - С. 116-119.
8. Родионов В.А. Центральноеазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС // Ойкумена. - 2012. - №4. - С. 104-111.
9. Родионов В.А. Роль президента в политическом процессе постсоциалистической Монголии // Материалы международной научной конференции «Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития». - Барнаул: Изд-во «Азбука», 2012. - С. 142-146.
10. Родионов В.А., Бадмацыренов Т.Б., Шурхуу Д. «Возвращение» России в Монголию: проблема выбора стратегии // Ойкумена. - 2012. - №4. - С. 112-119. (личный вклад автора – 0,4 п.л.)
11. Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии: представления и реалии // Материалы международной научной конференции «Россия – Монголия. 100 лет дипломатического сотрудничества». - Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. - С. 321-328.
12. Родионов В.А. Демократизация Монголии: внешние факторы // Олон улс судлал (Улан-Батор). - 2013. - №3. - С. 22-30.
13. Родионов В.А. Сотрудничество России и Монголии в горнорудном секторе: международно-политический контекст // Материалы X

- международного конгресса монголоведов. - Улан-Батор, 2013. - С. 114-117.
14. Родионов В.А. Экологический дискурс как фактор конкуренции за полезные ископаемые Монголии // Материалы международной научной конференции «Зеленое развитие – приоритетное направление трехстороннего сотрудничества в XXI веке». - Улан-Батор, 2014. - С. 146-148.
  15. Родионов В.А. Демократическая идентичность Монголии: внешние факторы // Материалы международной научной конференции «Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах». - Москва-Улан-Батор, 2014. - С. 47-52.
  16. Родионов В.А. О некоторых особенностях политического процесса в Монголии // Современное развитие регионов России: политические, социальные и экономические аспекты / Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 17 апреля 2015 г.). – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2015. - С. 81-85.
  17. Родионов В.А. Внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии // Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения - VIII: —Улан-Удэ: Бэлиг, 2015. - С. 260-264.
  18. Родионов В.А. Монголия на рубеже XX-XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации // Вестник института социологии. - 2016. - №3(18). – сентябрь. - С. 139-159.
  19. Родионов В.А. Китайский фактор в политическом процессе современной Монголии // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции / Материалы международной научной конференции Екатеринбург, 24 декабря 2015 г. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – С. 175-179.

20. Родионов В.А. «Третий сосед» Монголии: фактор идеологии // ХХ зууны Монгол: түүх, соёл, геополитик, гадаад харилцааны тулгамдсан асуудлууд / Материалы международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Ц. Батбаяра. – Улаанбаатар: Адмон, 2017. – С. 304-312.

Родионов Владимир Александрович

**Политический процесс в современной Монголии в контексте
постсоциалистических трансформаций**

Аннотация

Диссертация посвящена исследованию политического процесса в Монголии после ее отказа в начале 1990-х гг. от социалистической модели развития. Анализ истоков, хода и характера политического развития Монголии последних двух с половиной десятилетий позволяет сделать вывод о типологическом сходстве монгольского политического процесса с аналогичными процессами в постсоциалистических странах Восточной Европы. Созданные политические институты, призванные обеспечить успешное функционирование демократической системы, в силу ряда причин оказались малоэффективными в деле решения насущных социально-экономических проблем страны. Прямым следствием этого является низкая степень доверия к правящим элитам со стороны населения и господство неформальных политических институтов и практик.

Наряду с внутренними факторами значительную роль в политическом процессе Монголии играют факторы внешнего характера, представленные такими странами как Россия, Китай, США, Япония, Республика Корея, а также ЕС. На основе комплексного анализа динамики внешнеполитических ориентиров Монголии, соотнесена степень политического влияния основных внешних акторов (России, Китая, «третьего соседа») посредством сравнительного анализа имеющихся у них ресурсов. В диссертации выработаны практические рекомендации для российских органов государственной власти, следование которым поможет сохранить и закрепить политическое влияние России в регионе.

Rodionov Vladimir Alexandrovich
**Political Processes in Contemporary Mongolia in the Context of
Postsocialist Transformations**

Abstract

The thesis is devoted to the study of the political process in Mongolia after the socialist model was rejected there in the early 1990s. The analysis of the origins, course and character of the political development in Mongolia over the past two and a half decades allows us to conclude that the Mongolian political process is typologically similar to the processes in the post-socialist countries of Eastern Europe. New political institutions were designed to ensure successful functioning of the democratic system. However, due to the number of reasons they were ineffective in solving the country's crucial social and economic problems. So the direct consequences of this fact have become the lack of trust in the ruling elites on the part of the population and the dominance of informal political institutions and practices.

Along with domestic factors, the foreign ones play a significant role in the political process of Mongolia represented by such countries as Russia, China, the USA, Japan, the Republic of Korea, as well as the EU. On the basis of a comprehensive analysis of the dynamics of Mongolia's foreign policy guidelines, the degree of political influence of the main foreign actors (Russia, China, the "third neighbor") is correlated through a comparative analysis of their resources. The thesis has developed practical recommendations for Russian authorities, which will help to save and consolidate Russia's political influence in the region.